

Восхитительно! Пьянящая смесь истории и любовного романа:
это книга, от которой невозможно оторваться.

Chicago Tribune

Флеминг Кия

ДЕТИ
ЗИМЫ

Впервые
на
русском!

Выбор
Publisher's
Weekly

Лия Флеминг

Дети зимы

«ЭКСМО»

2010

Флеминг Л.

Дети зимы / Л. Флеминг — «Эксмо», 2010

Вдова Кей Партридж переезжает со своей маленькой дочерью Иви в Йоркшир. Они занимают небольшую пристройку на территории старинного поместья Уинтерджилл, чьи владельцы – Нора Сноуден и ее сын Ник – находятся на грани банкротства и поэтому сдают комнаты на время зимних праздников. Кей надеется, что нашла тихое убежище, но в доме то и дело происходит что-то необъяснимое, а в окрестностях, поговаривают, обитают призраки... Оставшаяся без внимания Иви полна решимости отправиться в чащу леса искать настоящее Рождество, а Ник тем временем понимает, что ранимая Кей Партридж вызывает в нем желание окружить ее теплом и заботой.

© Флеминг Л., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

От автора	6
Канун Рождества	7
Канун Дня Всех Душ	8
Йоркшир, ноябрь 2001 г	10
Саттон Колдфилд	11
На север	22
Каменная ограда	35
Старый дом	39
Анона Нортон, 1653	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лия Флеминг

Дети зимы

*Всем членам семьи Уиггин, прошлым, настоящим и будущим,
которые любят это время года*

Leah Fleming

WINTER'S CHILDREN

Copyright © Leah Fleming 2010

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

От автора

В мае 2001 года наши местные фермы и дороги закрылись почти на год с лишним из-за эпидемии ящура. Фермерам пришлось бороться за выживание, что-то придумывать и смириться с потерей своих племенных животных, с потерей пород, которые выводились многими поколениями. Все остальные факты и события, касающиеся того ужасного времени, в моей книге вымышленные, но я надеюсь, что мне удалось точно передать дух жителей Долин. Почти десять лет я с восхищением наблюдаю, как фермеры постепенно справлялись со всеми трудностями.

Тернер, знаменитый художник, побывал в Йоркширских Долинах летом 1816 года. Я рекомендую книгу: «In Turner's Footsteps: Through the hills and dales of Northern England». David Hill, John Murray 1984.

Я вовсе не увлекаюсь эзотерикой, но при работе над своей книгой использовала множество историй и воспоминаний других людей, которые верят, что энергия, как позитивная, так и негативная, оставляет свой след в домах и на местности. Если кому-то интересно, я рекомендую книгу: «Cutting the ties that bind». Phillis Krystal. Element Books 1989.

Большая часть приведенных мной рецептов – проверенные, семейные. Среди многих книг, которые я прочла, работая над этой книгой, особенно хочу упомянуть: «Traditional Food East and West of the Pennines». Edited by O. Anne Wilson. Sutton Publishers 1991.

Я выражаю особенную благодарность семье Уиггин за то, что они показали мне, человеку с шотландскими корнями, как нужно праздновать Рождество, и рекомендую «Memoirs of a Maverick» покойного Мориса Уиггина (Quality Book Club 1968).

Я благодарю также нашу сельскую школу, теперь, к сожалению, закрытую, с которой у меня связаны восхитительные воспоминания о рождественских праздниках, благодарю исполнителей рождественских гимнов из Лангклиффа, преданно сохраняющих местные традиции.

Еще я хочу выразить огромную благодарность всему коллективу издательства «Avon» за их помощь и энтузиазм, особенно Кэролайн Риддинг и Кейт Брэдли. Их внимание к деталям благотворно сказалось на моей книге.

Наконец, я представляю себе моего читателя, который, лежа на ковре у камина и потягивая глинтвейн, с удовольствием читает эту рождественскую историю и слушает альбом Стинга: «If on a winter night...» Эта музыка помогала мне в работе.

Лия Флеминг

Канун Рождества Саттон Колдфилд, декабрь 2000 г

Когда в рождественский сочельник раздался звонок в дверь, Кэй и Партриджи ответили не сразу, потому что спешно завертывали в бумагу последние подарки.

– Тим опять забыл ключи, – крикнула Кэй свекрови. – Я так и думала, что он приедет поздно. – В новом году они собирались переехать в Лондон и сейчас, после продажи дома, временно жили у родителей Тима. – Иви, открой папе дверь, – крикнула она дочке, которая уже объелась шоколадными фигурками, предназначенными для украшения елки. Кэй надеялась, что Тим все-таки заехал в садовый центр и купил елку. Еще неделю назад он обещал нарядить ее вместе с Иви, но фирма отправила его на север, в Ньюкасл, для котирования сделки.

– Милый, это ты? Почему ты так... задержался? – крикнула она в лестничный проем. Не дождавшись ответа, она сбежала по ступенькам, чтобы выслушать оправдания мужа. У открытой двери с озадаченным видом стояла дочка.

– Тут полицейский и какая-то тетя. Они хотят поговорить с тобой, – сообщила она с улыбкой. – Может, папа как-нибудь нашалил?

Кэй выглянула в дверь, и ее колени задрожали. Выражение на лицах пришедших сказало ей все...

Канун Дня Всех Душ Йоркшир, ноябрь 2001 г

Она скользит по дому, проплывает по комнатам и коридорам. Не осыпается штукатурка, когда она задевает за стены, не скрипят половицы; ее присутствие выдает лишь еле слышный запах лаванды. Бывшая хозяйка дома знает свой Уинтергилл-Хаус, она знает здесь все пятнышки и щелочки, каждую крысиную нору и оторванную доску, каждую потерянную когда-то безделушку и кошачьи кости в углах чердака.

Хепзиба Сноуден обходит свои владения, как делала это когда-то; со связкой ключей на кожаном поясе, с высокой свечой в оловянном подсвечнике; она проверяет, спят ли слуги, дремлет ли у камина мастер Натаниэль, повелитель ее ночей. Она знает, что ее прах, подхваченный четырьмя небесными ветрами, забился в каждую трещину старого дома. Из долины ползут осенние туманы, но ее это не волнует. Хепзиба не выходит на улицу. Ее дух существует лишь в пределах этих каменных стен.

Ноябрь – месяц мертвых. Стрелка барометра падает, солнце закрыто тучами и быстро пробегает свой короткий путь по небу. Хепзиба знает, когда листва желтеет, высыхает и падает на землю, год начинает свой медленный танец смерти.

В доме тихо, пусто и уныло, воздух затхлый. Владельцы, старуха и ее сын, не обращают внимания на отслаивающуюся штукатурку, на пятна сырости, на отвалившуюся черепицу на крыше сыроварни. От прежнего богатства не осталось и следа. Слуги не наполняют горячей золой железные грелки, чтобы согреть хозяйскую постель. На мощном булыжником дворе не дымит конский навоз. Не слышно ни кашля пастуха, ни свиста конюха. Амбар переделали в жилой дом.

С тяжелым сердцем она видит, что все труды Натаниэля безвозвратно пропали. Такую кару недавно наслал на эти уделы Господь в Его мудрости. Теперь не слышно ни мычания коров в коровниках, ни блеяния овец на пастбищах. Господь не пощадил безбожный Йоркшир. Вся скотина была уничтожена. Теперь тут лишь безмолвие и слезы.

Хепзиба заглядывает в окно и всматривается в полумрак. Там бродит еще один призрак, которого она боится. Бродит. Высматривает. Ждет. Ее бывшая кухня Бланш летает вокруг стен в вечном поиске. Неупокоенный дух, витающий меж двух миров. Терзаемая муками душа мечется с горящими глазами по пустошам. Да, Бланш там, в сгущающихся сумерках; она ищет то, что невозможно найти, и пытается проскользнуть в любую открытую дверь.

Хепзиба трясет головой; тут она в безопасности, этот дом защищен от беспокойного духа кольцами рябины и бузины, горящими фонарями, которых не видит человеческий глаз, упорной молитвой и ее собственной постоянной бдительностью. Ведь она назначена хранительницей этого очага, она обречена находиться в нем, и это ее гордость и епитимья.

Каждый год, вот уже почти четыреста лет, когда гаснут огни и тает решимость, им приходится разыгрывать заново эту древнюю драму, вести бесконечную игру в кошки-мышки. Господи, когда же дух Бланш Нортон обретет мир? Кто поможет проводить его на покой?

Скоро Святки, загорятся праздничные огни, а солнце повернет на лето. Хепзиба знает, что в рождественском доме без детского веселья ее собственные силы станут слабеть. Уинтергилл-Хаус нуждается в новой жизни, иначе он рухнет. Теперь самое время открыть свое сердце для высшей воли и бросить вширь и вдаль сеть молитв.

Уинтергилл ждет появления еще одного дитяти зимы.

Но такому дитяти всегда грозит опасность, вздыхает Хепзиба. Если ее молитвы будут услышаны, ей придется прибегнуть к самым хитроумным уловкам для защиты невинной души от беспощадного огня Бланш.

Господи помилуй Уинтергилл.

Йоркшир, ноябрь 2001 г

Начинка для пирога из сухофруктов и яблок

- 1 фунт (450 г) яблок, лучше – брамли
- 1 фунт (450 г) сухофруктов (фиников, смородины, светлого и темного изюма)
- 8 унций (226 г) смеси нарубленной цедры цитрусовых
- 1 фунт (450 г) мелко нарубленного нутряного жира
- 1 фунт (450 г) тростникового сахара демерара, тертая кожура и сок 2 лимонов
- 2 унции (56 г) нарубленных орехов (например, миндаля – по желанию)
- 1 ч.л. молотых специй (имбиря, мускатного ореха, корицы)
- 4 ст.л. виски, рома или бренди (по желанию)

Мелко нарубите яблоки, добавьте лимонную кожуру и сок, смешайте в миске с сухофруктами. Добавьте цедру, орехи, специи, нутряной жир и сахар.

Полейте смесь спиртным, перемешайте и оставьте на ночь при комнатной температуре, накрыв тканью. Утром смесь перемешайте и подержите 1 час в теплой духовке.

Разложите начинку по чистым, сухим банкам, накройте ее кружками из воска, а сверху целлофаном или красивыми тряпочками и завяжите. Храните начинку для пирога в прохладном темном месте.

Получится около 6 банок по 1 фунту (450 г).

Саттон Колдфилд Октябрь 2001 г

«Где-то там есть место для нас...» Кэй стояла между стеллажей супермаркета, замороженная звучащей в ее голове мелодией из «Вестсайдской истории», пока на нее не наткнулась свекровь.

– Ой, вот ты где, Кэй... давай поторопись! Иначе снова опоздаешь к Иви, и она будет стоять одна возле школьных ворот. – Юнис была выше ее на голову. – Знаешь, у них тут специальное предложение – какая-то необыкновенная начинка для рождественского пирога...

– Боже, уже Рождество? – Кэй почувствовала, как в ней забурилась паника. Ведь только середина октября. Голова закружилась при мысли о близкой зиме. Взглянув на часы, она поняла, что надо спешить. Иви огорчится, если ее никто не будет ждать. Оплатив покупки, она покатила тележку на знакомую парковку, где десятки женщин перекладывали купленные товары в багажники. Юнис уже стояла возле дверцы машины и нетерпеливо смотрела на нее.

Как мне не хочется жить здесь, – подумала Кэй. После гибели мужа она жила в каком-то тумане, понимая, что им не место в доме его родителей. Не выходила из ее головы и летняя выставка живописи в Личфилдском соборе.

Впрочем, даже не выставка, а один из йоркширских пейзажей: овцы щиплют траву, присыпанную снегом; автор – Терри Логан. Она сразу перенеслась в Долины, в дом бабушки Нортон, где Кэй всегда проводила долгие летние каникулы. Ах, эти дали, серо-зеленые холмы и бесконечные мечтания на берегу ручья. Внезапно она ощутила прилив ностальгии по своему детству. Если бы только она могла вернуться туда, в тот фермерский дом, примостившийся высоко на холме; дом с горящими розовыми, оранжевыми и лиловыми стеклами, в которых отражалось низкое вечернее солнце, плывущее над снегами.

Усталые глаза Кэй болели от галогенных городских огней, проплывавших мимо. В ее душе, в самой глубине, бродила все та же навязчивая мысль. Кэй и сама не понимала, почему постоянно думает о доме над долиной. Что это значит? Может, там их что-то ждет?

Девять месяцев они жили в доме свекрови. Кэй устала от этого до предела. После жутких событий в Америке, случившихся в прошлом месяце, ей стало казаться, что в этом мире уже нет безопасных мест. Юнис опекала их как малых детей... Она делала все, чтобы удержать их возле себя, и Кэй терпела это ради Иви.

Теперь она вдруг почувствовала, что им пора начинать новую жизнь.

– Мне хочется жить среди холмов, – прошептала она со вздохом.

– Что-что? – Юнис Партридж повернулась к ней.

– Так, ничего, – ответила Кэй. – Я просто подумала вслух.

* * *

В холле Уинтергилл-Хауса зазвонил телефон. Пускай звонит, подумала Ленора Сноуден, подкладывая еще одно полено в камин. У нее не было настроения ни болтать с кем-то, ни делать начинку из сухофруктов для пирога. Зачем? Когда готовишься к Рождеству, ты как бы заворачиваешь остаток года в праздничную упаковку. А что ей заворачивать, кроме рогожки и золы?

Она раздраженно высыпала из корзинки на доску яблоки сорта брамли. Хмуро, без всякого энтузиазма уставилась на сухофрукты, на кусочки нутряного жира, коробку со специями, дешевый виски. И зачем только она мучает свои старые ноги и стоит на каменных плитах в

бывшей кубовой. Когда-то тут кипятили воду для чая, гнали спирт, а теперь это ее личная кухня. Она вздохнула, прогоняя слезы.

Все равно надо что-то делать. Начинка пригодится филиалу Британского женского института для рождественской ярмарки. Ленора всегда отдавала ее и для деревенского школьного базара, и для бала пенсионеров. Пускай рухнул ее собственный мир, но ведь есть другие люди, которым сейчас еще хуже, чем ей. Например, Карен и ее мальчишки хоронят сегодня своего отца и кормильца. Нужно испечь для них пирог.

– Чтоб им пусто было, – пробормотала она, яростно работая ножом, словно хотела избавиться от огорчений последних месяцев. Никогда еще их долина не видела таких катаклизмов – бураны, паводки, снег отрезали их от мира на несколько дней. А тут еще проклятый ящур. Что только они не придумывали, чтобы защитить скотину, чуть ли не ежедневно производили дезинфекцию – и все напрасно.

Переделка амбара в жилой дом съела их последние сбережения. Они рассчитывали заработать в летние месяцы на туристах. Не тут-то было! Из-за ящура тропы были закрыты все лето, пустоши тоже. Туристы держались подальше от зараженных мест, а банк все равно требовал ежемесячные платежи. Так что все надежды на благополучие увяли, так и не расцветши.

Хрум, хрум... От злости она чуть не порезала себе палец. Вот сейчас, когда все было позади, когда они уже думали, что ящур обошел их стороной и овечки паслись на склонах, телефонный звонок от соседей разрушил все надежды.

– Нора, у нас забирают овец! К сожалению, заберут и у вас...

Ящур неслышно прокрался к ним по холмам несколько недель назад. Овцы Уинтергилла были обречены на уничтожение в рамках карантинных мер, но ведь и коровы тоже...

Ее глаза наполнились слезами при воспоминании о тех страшных часах. Ожидание аукциониста для оценки скота, весь этот цирк, когда по их полям топали ветеринары и солдаты. Фургонь, забиравшие трупы животных, угрюмые забойщики в белых комбинезонах, изнемогающие от жаркого солнца. Она смогла лишь принести всем чай, а потом спряталась в доме. Но звуки выстрелов до сих пор звучат в ее ушах. Она радовалась лишь одному – что ее муж Том не дожил до этого черного дня и не видел, как разрушается дело всей его жизни.

Ник, ее единственный сын, выдержал все до конца. Никакая компенсация не покроет потерю его племенных баранов и овец, ведь он всю жизнь трудился над их селекцией. Теперь зеленые поля вокруг фермы пустуют; корма есть, но давать их некому. Наступившая тишина давила на нее, а сердце разрывалось от горя. Атака террористов на Башни-близнецы и все связанные с этим страдания лишь усугубили мрачную атмосферу этой осени.

Нора вздохнула, понимая, что лучше уж вернуться в мыслях к более счастливым временам, когда с приготовления начинки для пирога начиналась ежегодная подготовка к Рождеству: покупка почтовых открыток, разделка заколотой свиньи, куда непременно приглашались соседи. Все старинные ритуалы фермерского быта неукоснительно соблюдались. Но что будет теперь? Как им жить? Ник был совершенно раздавлен, но он не понимал, что теперь у него нет будущего. Она твердила ему об этом, а он злился и уходил на свою половину дома, не желая слушать ее здравые аргументы.

Так зачем же я взялась за нож и рублю яблоки? Зачем измельчаю специи: корицу, имбирный корень, мускатный орех? – размышляла она, вытирая глаза. Но в душе понимала, что ее инстинктивно тянет к чему-то старинному, женскому, что этот осенний ритуал хоть чуточку успокаивает ее расшатанные нервы.

Что за ерунда, усмехнулась она, удивляясь собственной сентиментальности. Я взялась за начинку, потому что мне больше нечем заняться в это унылое утро.

Жизнь продолжается, и эти привычные хлопоты отвлекут ее от мыслей о сегодняшних похоронах. Да, молодой мужик утратил всякую надежду на будущее и свел счеты с жизнью...

После карантина Ник тоже стал похож на нитку без узелка. Он читал в компьютере информацию Министерства окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства, замазывал трещины в каменной ограде, которой были обнесены выпасы, перебирал бумажки, обещающие компенсацию, и ждал, когда закончится вся эта дребедень и он начнет восстанавливать поголовье. Вот так он жил полгода, в отчаянии и одиночестве, да теперь еще его дружок Джим покончил с собой, когда все самое страшное осталось позади. Вообще непонятно, почему он это сделал. И так несправедливо по отношению к его жене и детям. Но кто сказал, что жизнь справедлива?

Что ж, надо выкручиваться с тем, что имеешь. Куда денешься? Она натянула пальто, нахлобучила на голову берет и без всякого удовольствия глянула в зеркало. Ты выглядишь на все девяносто, девушка, вздохнула она; вон какие морщины глубокие, да и лицо обветренное. Ее деревенский румянец давным-давно сошел на нет. Впрочем, зеркало никогда ей не льстило. Слишком крупные черты лица, слишком острый подбородок; усталые голубые глаза, похожие скорее на льдинки, чем на васильки, а под ними лежали темные тени от бессонных ночей.

Сейчас ей хотелось лишь покоя и еще раз покоя. Конечно, компенсационный пакет избавит их от тяжелой нужды. Я отбыла свой срок на этих бесприютных северных холмах, я исхлестана ветрами и непогодой, вся моя жизнь – сплошные разочарования. Лишь смена времен года несла с собой какое-то разнообразие, но сейчас и время слетело с катушек. Впереди уже не будет ни посева и жатвы, ни приплода ягнят, никакой награды за тяжелый фермерский труд. Впереди только смерть и разрушение, да еще соблазнительный денежный чек. Ленора Сноуден не видела будущего для фермы Уинтергилл-Хаус. Пора брать деньги и уматывать отсюда.

Телефон зазвонил снова; неожиданное известие заставило ее бежать на дальние поля на поиски Ника. Он где-то там, избегает ее. Наконец-то пришла хоть какая-то хорошая новость. Возможно, это знак надежды, тот самый поворотный момент, в котором они так нуждаются.

* * *

На дальнем поле, возле рощицы, Николас Сноуден яростно обрубал ветки с поваленного ветром ясеня; внутри его бурлила злость. Он понимал, что бензопилой сделал бы эту работу за считанные минуты, но сейчас был день топора. Ему требовалась физическая нагрузка, нужно было потратить как можно больше сил на этот могучий ствол, чтобы отвлечь свои мысли от предстоящих похорон.

Пора ему хоть немного успокоиться. Карантин скоро закончится. Он уже все распланировал, как подготовит поля и купит ярок. Но на сердце лежала свинцовая тяжесть, а на душе было муторно.

Он выпрямился и вытер пот с нахмуренного лба, поглядел вниз, на зеленую долину, на пятна серых скал. Там не было ни одного белого пятнышка. На церковном дворе кричали грачи, кроншнепы давно улетели, стая дроздов что-то клевала на лугу, где Ник обычно держал своих племенных баранов. При мысли о них он едва не заплакал. Ведь это были не просто бараны, это была его гордость, результат многолетней селекции.

Как доверчиво они шли за мешком с кормом, когда он вел их на смерть. Его овцы испугались чужих людей и защищали своих ягнят. В тот ужасный день, когда все сидели дома и смотрели финал кубка УЕФА, он стоял с забойщиками до конца, пытаясь успокоить панику в стаде, и казался сам себе подлецом и предателем.

Для забойщиков скота это была привычная работа, но молодая девчонка, ветеринар, видно, новенькая, побледнела, когда делала смертельные уколы ягнятам. Овцы блеяли в панике, рвались к детям, казалось, они рыдали. Вот так, постепенно, было уничтожено все стадо. Наступила тишина. Лишь из кабины фургона слышались звуки радио – водитель пытался узнать счет финального матча.

Он смотрел на все и рыдал, не стыдясь своих слез; все, над чем он трудился годами, лежало теперь перед ним безжизненной грудой. Потом чернорабочие забрасывали туши овец в фургон, словно мешки шерсти. Смотреть на это было невыносимо, но он выстоял все до конца. Ведь это было его стадо. Он видел, как рождалась каждая овечка, каждый барашек, а теперь смотрел на их смерть. На их массовое убийство.

В Долинах овцы ягнились поздно, чтобы избежать суровой зимы и сырой весны. Но разницы это не составило. И как только он допустил такую болезнь в своем стаде? Никакая компенсация не сотрет из его памяти ту страшную сцену или то, что Брюс Стикли позвонил ему по телефону через считанные минуты после уничтожения стада, чтобы сделать свое подлое предложение.

Ник занес топор и с силой ударил по дереву. Да, было искушение все бросить. Дом висел у него на шее будто тяжелый камень. Мать устала. К чему были все его исследования, все советы, которые он слышал со всех сторон? «Попробуй то, купи это». Ведь все знали, что в карманах жителей Долин водятся деньги. Надо ему быть осторожнее.

Уинтергилл дорого ему обошелся; его первый брак рухнул, потому что жена-горожанка Мэнди не выдержала одиночества и суровых зим. И все-таки его привязывали к этому дому мириады незримых нитей. Ведь ему скоро сорок два года. Не слишком ли поздно искать другую жизнь за пределами Долин? Ну, допустим, он освоит новую профессию – и что будет делать?

Господи, ты ведь никогда и не знал другой жизни! – мысленно воскликнул он. Как ты будешь жить здесь дальше, если некому продолжить твое дело? Даже Джим предал его и свел счеты с жизнью, а ведь у него осталось двое сыновей. Сам он давно уже принял решение – не иметь детей, чтобы они не страдали от завидной фермерской доли. Хотя это решение далось ему нелегко.

Погруженный в свои невеселые раздумья, Ник равнодушно смотрел на раскинувшиеся перед ним красоты: на ферму, примостившуюся над долиной на высокой площадке; на речку, выющую змеей среди осенних лесов; деревья уже окрасились в янтарь и багрянец; ветер гнал по потемневшему небу штормовые облака. Не за горами и первый снег.

Он ощутил знакомое щекотанье в затылке. Он был не один.

Она следила за ним.

Даже резко обернувшись, он не увидит ее лица. Он не очень понимал, кто она такая, древний призрак, прятавшийся в его рощице, рыскавший по его полям и пустошам. В ее присутствии не было ни утешения, ни благоприятной ауры. Он видел ее лишь однажды, много лет назад, возле кельтской стены.

– Отцепись от меня, старая карга! – заорал он и снова в ярости замахнулся топором.

Заготавливать дрова на продажу, чинить стены и ремонтировать технику – не жизнь для фермера, но эти занятия поддерживали тонус в мышцах, отвлекали от тягостных мыслей. Слишком многие его дружки разжирили за последние месяцы, после страшного удара. Бар «Летающий Орел» искушал, обещал забвение; хотелось напиться до беспамятства. Но Ник знал: если он потеряет хорошую физическую форму, с ней уйдут и скудные остатки его гордости.

Даже мать не знала, что он может видеть такие штуки своим третьим глазом. Вообще-то у Сноуденов этот дар передавался по женской линии. Отец когда-то определил его так: «Глаз, который видит все, но ничего не говорит». Вообще-то, не мужское дело – чувствовать духов, но Ник не очень переживал из-за этого дара, потому что он не раз предупреждал его об опасности, грозившей стаду.

Уловив уголком глаза какие-то движения, Ник поднял глаза. Мать, уже одетая в свой синий шерстяной костюм, стояла в дверях дома и махала ему, подзывая к себе. Что ей нужно на этот раз? Он бросил топор, выпрямил спину и направился к дому, рассчитывая выпить кофе и выкурить трубку.

– Ма, что ты придумала на этот раз? Если снова станешь бубнить свое, я и слушать тебя не желаю! – орал Ник, нагибаясь, чтобы пройти под низкой притолокой задней двери. Стянул с себя грязные сапоги и непромокаемый плащ. Мать стояла на его кухне с кружкой кофе. Обычно она находилась в передней части старого дома, окна которой выходили на юг, в сад, – а он жил в задних комнатах, откуда был выход на двор и к хозяйственным постройкам. Он взглянул на часы: пора бросить все дела и привести себя в порядок перед похоронами.

Мать выглядела взволнованной.

– Ты не поверишь. Звонили от Стикли. Предлагают нам сдать жилье на полгода... какие-то люди из Мидлендс увидели наш дом в Интернете и тут же прислали заявку. И уже едут сюда. Подумать только, вот так, после пустого лета у нас появятся жильцы. Хотя сезон давно кончился. – Она подошла к гладильной доске, как всегда, просевшей под тяжестью неглаженного белья.

– Честно говоря, Ник, – сказала она, оглядывая кухню, – если ты думаешь, что у меня есть время на уборку... Давай шевелись... Надеюсь, в этой куче найдется приличная рубашка. Сегодня половина графства придет проститься с Джимом, и я не хочу, чтобы ты явился туда в мятой и рваной рубашке. Принеси-ка мне дров, перед тем как будешь принимать душ.

Ник сдвинул брови и топнул ногой о каменный пол. Пес Мафин, помесь колли, поскорее залез на всякий случай под стол.

– Кто захочет ехать сюда в такую погоду? По-моему, мы им говорили, что не будем сейчас ничего сдавать. Домик пустовал все лето. Его нужно как следует проветрить.

– Ник, дареному коню в зубы не смотрят. Скажи спасибо и на этом, ведь в сезон у нас ничего не было. Ну, давай, набери дров в корзину и включи мне воду. Постояльцы приедут сюда к вечеру, а у меня сегодня годовое собрание прихода, так что принять их придется тебе. – Помолчав, она добавила: – И не хмурься. Постарайся быть вежливым.

Ник видел, что мать неодобрительно окинула взглядом его комнату, невымытые кастрюли в раковине, грязные кухонные полотенца и загроможденный стол. Но она промолчала. Это была его половина дома, и не ее дело, как он тут жил и вел хозяйство. Уборка и стирка – женское дело, и он не собирался менять свои привычки. Даже после бегства Мэнди такое раздельное ведение хозяйства устраивало их обоих. Дверь коридора была их домашней Берлинской стеной, отделявшей юг от севера, мать от сына, мел от сыра, Моцарта от Баха.

Ник видел, что у матери чесались руки прибраться в его покоях, как во времена, когда он мог, фигурально говоря, слизать кашу с чистейших половиц. Но времени для споров не было, надо было поскорее приготовить домик со всеми удобствами для неожиданных жильцов. Черт побери эти агентства! Им все равно, что будни, что праздники. Может, у Брюса Стикли все-таки проснется совесть, и он попытается исправить свои резкие шаги.

– Мы потратили столько денег на перестройку сарая, и теперь ты ворчишь из-за того, что нашлись желающие в нем пожить. После этого жуткого лета надо просто благодарить Бога, что у нас остался хоть этот источник доходов, – добавила она.

– Да, а чего нам это стоило? – Ник подумал о старинных вещах, которые им пришлось продать для этого. – И вообще, не люблю я городских. Они сразу все замусорят, будут оставлять открытыми ворота и задавать дурацкие вопросы. – Ему не хотелось никакой поддержки со стороны незнакомых людей, никаких сочувственных взглядов, когда они поймут, что случилось. У него были все основания ненавидеть лето и ущерб, причиненный фермерам. Ведь сейчас он отправится на похороны одного из них.

– Брюс Стикли дал нам тогда хороший совет – оборудовать в домике центральное отопление и поставить двойные стекла. Все получилось неплохо. А уж вид из окон такой, какого нет больше ни у кого в долине. Тебе не угодить, сын, – буркнула Нора. – Это единственное разумное капиталовложение, которое у нас осталось. Кроме дома, конечно. Если мы все-таки решим продавать...

Ник не хотел и слышать о продаже дома.

– Стикли не получит наш дом. Только через мой труп! Я-то знаю, на что он нацелился; и тебя подмазывает. Он сам положил глаз на Уинтергилл, давно уже... То он придумал выдавать разрешение на каждый чертов сарай, навес, на каждую щель, а потом купит все задешево и продаст за настоящую цену. Я знаю его грязные фокусы.

Нора понимала, что сын прав.

– Знаешь, Брюс все-таки прав, – возразила она. – Дом слишком велик для нас двоих. Мы катаемся в нем будто сухие горошины. Зачем нам, спрашивается, двадцать комнат? Ведь ты не... – Она осеклась. – Ну, ты знаешь, о чем я...

– Перестань, мать. Наша семья жила в Уинтергилле много поколений, и я не вижу оснований менять этот обычай. Сноудены неплохо зарабатывали на этой земле. Конечно, тут сплошные склоны и овраги, хорошей земли немного, но ничего, мы выживем, – убеждал он сам себя.

– Неужели ты думаешь, что в этом климате можно жить нормально? Подумай сам. Я уже слишком стара... Мне уже под восемьдесят, да и ты моложе не становишься... Кому все это отойдет? – Она вздохнула и помолчала, понимая, что сейчас не время для обвинений. Кроме них, других Сноуденов не было. Наследников не осталось... – Сейчас все говорят о рациональном подходе к жизни, – продолжала она. – Надо взять деньги и бежать отсюда. Пока у нас есть выбор. Ведь ты пока не решил, на что истратишь деньги.

– Те деньги лежат в банке. Они предназначены для восстановления поголовья. Я не хочу ничего предпринимать, пока не пойму, как мне действовать, – возразил Ник. – И я не намерен слушать твои бредни. Сейчас я быстро помоюсь.

– Как же дрова? – крикнула она.

– Потом принесу, времени хватит, – ответил он, поднялся по лестнице, стянул с себя одежду и стал искать свой лучший темный костюм, поглядывая на себя в зеркало. Что ж, пока он в нормальной физической форме – плечи широкие, пивной живот почти не вырос, крепкие ягодицы, мускулистые ноги благодаря многолетней игре в регби и приличная снасть в хорошем состоянии, хоть и мало использовавшаяся в последние годы.

Все-таки из него получился бы хороший племенной баран. Вот если бы только у него был сын, которому он передал бы свое имя и наследство. Неужели мать не понимает, как дороги ему этот дом, ферма и земля? Любовь к ним у него в крови, в костях. Черт побери, это единственная вещь на свете, достойная его любви!

* * *

Ник макнул голову в тепловатую воду, чтобы смыть шампунь. Если бы у него был сын-наследник! Но теперь уже поздно. *Ох, Мэнди! Я думал, что ты моя судьба, а все получилось иначе...* Он познакомился с ней в Харрогейте на балу Молодого Фермера и влюбился с первого взгляда; точнее – не влюбился, а возжелал. У нее были роскошные черные волосы и великолепная фигура, и танцевала она – просто зажигала. Ее ошеломила величина фермы и поначалу очаровала обстановка, похожая на книги Джеймса Хэрриота. Они поспешно обвенчались, слишком молодые и ослепленные страстью, не понимая, что их миры были слишком разные и не могли стать прочным фундаментом для долгой семейной жизни.

Ник закрыл глаза, прогоняя из памяти ту злополучную картину: полутемный амбар, она обхватила ногами талию Дэнни Пигхилла. Будь у него под рукой ружье, он пристрелил бы обоих как бешеных собак. Он оторвал их друг от друга и отколотил Дэнни. Конечно, гордиться там нечем, но он был пьян и оскорблен. Она сбежала в тот же вечер и вернулась за своими шмотками под охраной полицейских. По всей округе разнеслось, что Ник Сноуден не смог удержать свою жену. Ник был глубоко обижен тем, что она отвергла все, что было для него

дорого. Потом горечь прошла, осталась лишь глухая боль сожаления. Он не слышал ничего о Мэнди уже много лет.

Постепенно он смирился с одиночеством – единожды обжегшись и все такое... Иногда у него бывали короткие романы, но ничего серьезного. Его финансовое положение пока что было слишком неопределенным, чтобы заводить новую семью, да он и боялся. Он больше не доверял женщинам. Прежде жены фермеров знали свое место, а теперь мир переменялся. Теперь они сбиваются в кучки, сговариваются, требуют равную долю в бизнесе и работают не на ферме, а где-то в другом месте, чтобы дети были одеты-обуты. В душе он понимал, что такие женщины заслуживают уважения, но, по правде говоря, его ужасно пугали эти зубастые бабы с каменными лицами.

Но теперь смерть Джима Гримолдби покачнула его веру в правильность своих суждений. Он много лет сидел со своим старинным школьным приятелем за стойкой бара «Летящий Орел», они проклинали правила, установленные Евросоюзом и Департаментом окружающей среды, смеялись грубым шуточкам Джима, играли в дартс, иногда в регби, а в это время в душе Джима бушевал ад.

Никогда не знаешь, что творится в чужой голове. В этом небольшом пространстве между ушами всегда царит одиночество. Что заставило его друга пойти с ружьем на болото и отстрелить себе голову? Депрессия при виде убитых овец, чрезмерное пьянство или крайняя усталость от такой жизни? Каким же плохим другом был Ник, раз не почувствовал отчаяния Джима! Ведь сейчас полно адресов и телефонов, можно было проконсультироваться у психотерапевта. Но жители Долин гордые и упрямые, а еще они робеют перед чужими, какими бы благожелательными те ни казались.

Брайен Сэддлуорт перенес инсульт, когда уничтожили его стадо, и теперь продавал ферму. Бедняга Найджел Дэнби умирает теперь от рака легких, у него тоже нет будущего. Вообще минувший год был плохим для здешних фермеров, даже и без ящура. Так что надо смириться с предстоящим вторжением и подумать о ежемесячном чеке за аренду жилья. Видел бы отец, до чего дошли дела... Когда-то Том Сноуден отказывался даже рассматривать сдачу жилья в качестве небольшого побочного заработка. А теперь на каждой ферме висят объявления, приглашающие туристов. Вернее, висели, пока из-за карантина не были перекрыты все тропы, и туристы исчезли.

Сколько лет они жили в этом холодном сарае под названием дом, с его дубовой лестницей, темными деревянными стенами, окнами с частым переплетом и старинной мебелью. Ник не хотел продавать свои фамильные вещи ради того, чтобы на эти деньги создать для постояльцев комфорт, в каком никогда не жила его родная мать.

Старый Джосс Сноуден, прапрапрадедушка Ника, перевернулся бы в гробу, если бы узнал, что сделал его прапраправнук. Говоря по правде, Ник давно уже запускал руку в фамильное серебро, хранившееся в сиденье дубовой скамьи, покрывая свои текущие издержки. Но долго это не могло продолжаться. Теперь денег хватает, а Стикли предлагает им продать ферму, дом, земли какому-то лондонскому магнату; тот хочет устроить себе здесь охотничий домик, хотя в таком климате тут даже куропатки тощие. Кому нужно брать на себя такую обузу?

Конечно, это не Сандрингемский дворец, куда приезжают на охоту члены виндзорской династии. Уинтергилл-Хаус скорее похож на дом из романа «Грозовой перевал» Эмилиии Бронте – на тот дом в непогоду. Но Ник любил в нем каждый деревянный гвоздь. Это его замок, его владения, его королевство. Здесь жили люди еще в древние времена. Он часто выкапывал из земли черепки римской посуды, кельтские застежки для одежды, глиняные трубки, средневековые монеты и изразцы. Где-то в доме у него лежит целая коллекция.

Задняя часть дома, с выгнутыми дугой кровельными стропилами – пятнадцатый век. В семнадцатом столетии Натаниэль Сноуден добавил к дому крепкие стены бутовой кладки и аккуратные квадратные оконца, подобающие пуританскому джентльмену. Его внук Сэмюэл

восстановил богатство Уинтергилла, купив окрестные земли, перестроил дом – теперь из него открывался вид на холм Пендл-Хилл и на реку Райбл. Он произвел на свет шестнадцать детей; десять его сыновей разъехались по разным странам.

Потом были Джордж и его сын Джосс, и его сын Джекоб, непьющий прихожанин методистской церкви; он славился по всей долине своим веселым нравом и преуспел в делах при королеве Виктории. Все они приумножали дело своих предков и славились гостеприимством. Дедушка Джо потерял трех сыновей в йоркширской легкой пехоте, а Том, отец Ника, в сороковые внес большой вклад в военную экономику; для Уинтергилла это были одни из самых успешных лет.

И как после этого продавать ферму? Разве такое возможно?

* * *

Пока Ник мылся, Нора открыла Боковой домик, включила отопление и притащила простыни из собственного сушильного шкафа. После похорон она еще успеет купить хлеба, молока и цветы – для «приветственной корзинки». У них так долго не было постояльцев, что она слегка нервничала.

Сейчас она рылась в ящике комода и искала пару кожаных перчаток, достаточно больших, чтобы скрыть ее подагрические пальцы. Теперь мало кто являлся в церковь в шляпе и перчатках, но Нора считала, что без них женщина просто плохо одета. Она села перед туалетным столиком и посмотрела на свои руки.

Вот они, ее выносливые, многолетние друзья. Широкие, с длинными пальцами. Они хватили за задние ноги новорожденных телят, сажали овощи, собирали плоды с фруктовых деревьев, ощипывали перья, поднимали овец, утешали больных ягнят, сжимали вожжи или руль, держали руки умирающих и готовили лучшие бисквиты в округе.

Теперь они стали кривыми и мозолистыми, грубыми от ветра и дождя, с бурыми печеночными пятнами, сморщились, будто печеные яблоки. Скорее мужские руки, чем женские. Тут не помогут ни ланолин, ни бузина.

Когда больше пятидесяти лет назад она выходила замуж за Тома Сноудена, ее отец, Бен Фрост, сказал ей единственный комплимент, и он относился к ее рукам.

– Такими лопатами ты заработаешь себе на жизнь. Гордись ими, – буркнул он.

К тому времени все ее мечты о том, чтобы учиться дальше и уехать куда-нибудь подальше от Скар-Топ, лучше за границу, рухнули из-за войны и чувства долга, велевшего ей спешно вернуться домой. Когда отец что-то приказывал, выбора не оставалось.

В школьные годы она жила в городе, в интернате, и училась в местной женской средней школе. Закончила школу с отличием, и ее уже ждало место в университете. Но началась война, пришлось много трудиться на полях, пытаться вырастить приличный урожай зерна на сырых холмах. Нужно было кормить нацию, и времени на сожаления не оставалось.

Где была эта нация в последние годы, когда их дела пошли плохо из-за избытка импортного мяса? Когда шерсть, состриженная с овец, никого не интересовала, ягнята тоже – а что уж там говорить про бедных фермеров-свиноводов... Вот если бы супермаркеты покупали британские продукты, тогда, может, и не случилось бы этой жуткой эпидемии ящура.

Когда-то считались нормой одна овца, один ягненок, один акр земли, но верх взяло стремление к интенсификации производства. В фермерском деле было мало гуманности – в округе даже не уцелела местная бойня, зато появилось множество директив и инструкций. И вот теперь природа сказала свое последнее слово. Внезапно ее руки снова зашевелились – это она нащупала в нижнем ящике шелковый шарф.

Сорок лет перед каждым Рождеством в ее коллекцию шарфов Том добавлял новый шарфик. Ее муж не был склонен к романтическим жестам и щедрым подаркам, но то, что он поку-

пал, всегда было качественным и долго носилось. Сейчас она выбрала шарф с синими и лиловыми полосами, не слишком яркий для похорон. Никто не утруждал себя полным трауром, но приличия все-таки надо соблюсти. Старомодные символы давно исчезли: траурная вуаль, чтобы прятать слезы, черная повязка на руке, траурный венок на двери, задернутые в знак уважения шторы, а по пути кортежа мужчины снимали шляпы. Она тоже наденет шляпу в знак уважения и проследит, чтобы и ее сын оделся прилично.

Когда-то Ник был одним из самых умных, красивых и мужественных парней в долине. Он был очень похож на своего отца; от улыбки молодого Тома и его синих-пресиних глаз у нее когда-то перехватывало дыхание. Если теперь у Ника сгорбились плечи, то на это есть причина. На него давит тревога. Его борьба безнадежна. А сегодня ему придется нести на плечах гроб с телом его давнего друга.

Самоубийство Джима донесло до самых дверей их дома боль от крушения их бизнеса. Боль, гнев и смятение. Если викарий позволит себе во время службы какие-нибудь неуместные замечания, она сама лично линчует его. Она была не очень хорошо знакома с новым викарием, да и вообще, верила скорее в Мать-Землю, чем в Бога-Отца, но обязательно посещала церковь в воскресные и праздничные дни и молилась за умерших. Солидарность – вот был их девиз, но их дела говорили намного громче.

Фермеры приедут в церковь по тряской дороге на «Лендровегах» и пикапах с горы по заросшему деревьями оврагу, на дне которого бежала речка, давшая свое имя деревне, и оставят свои машины возле церковного двора. Потом им подадут в «Летящем Орле» чай и сэндвичи; женщины будут трещать и сплетничать, пока не придет время для других дел, но пока что они отвлекутся от фермерской рутины. Нора припудрила свои красные щеки, испещренные красными прожилками. От своих фермерских дел она не отступит ни на йоту.

Как ей хотелось жить в домике в деревне на берегу речки, чтобы там было центральное отопление, хороший камин, чтобы вечером зажигались лампы и не было сквозняков. К ней быстро вернется ее былая энергия, если она будет хозяйствовать и поддерживать чистоту в небольшом доме, а не в этом сарае. Недавно она обнаружила, что засыпает после полудня над книгой и что ей не хватает воздуха при малейших нагрузках. Но что теперь ей стенать о своем здоровье, когда она идет хоронить молодого мужика, у которого остались жена и двое мальчишек.

* * *

Служба была недолгая. Нора признала, что в старинных молитвах было нечто весьма достойное. Церемония помогала осиротевшей семье пройти через мучительное прощание с усопшим. Даже неверующие находили утешение в тех словах. Ник стоял с мрачным лицом, а потом, когда все вышли на осенний ветер и дождь и направились к кладбищу, поддерживал вдову.

Ей было больно смотреть в лицо Карен, видеть на нем непонимание, когда та крепко прижимала к себе сыновей. Работник с фермы обнаружил Джима в поле; к куртке была приколота записка, предусмотрительно защищенная от дождя пластиковым пакетом. Джим был гордым. Он хотел освободить своих сыновей от проклятой участи сыновей фермера. Для него это был единственный выход, но каково теперь его бедным мальчишкам... Тучи расступились, и на секунду выглянуло солнце, заливая каменные стены нежно-розовым светом.

В такой день уместнее было бы бродить по пустошам, если снят карантин, а не хоронить молодого мужика, обезумевшего от страха перед жизненными невзгодами. Нора молча выстояла заключительную часть церемонии; она знала, какое горе обрушилось на Карен Гримолдби. Время – плохой лекарь. Оно просто чуточку лишает боль остроты, чтобы можно было дышать и жить дальше. Но боль не проходит никогда.

Она никогда не умела тратить время на болтовню. Женщины должны быть словно каменная стена, крепкими и твердыми, если речь идет об их детях. Семья – вот что самое важное. А чувства надо держать под контролем. Если ты упиваешься своим несчастьем, оно никогда не кончится.

Пройдет время, и она принесет Карен пирог, а ее близнецам коробку сладких овсяных лепешек. Когда будет написан ответ на все письма соболезнования, а затраты на похороны покрыты – когда зима зажмет всех в свой железный кулак, – вот тогда для нее будет самая пора навестить вдову и подбодрить ее. Потому что в это время Карен уйдет с головой в свое горе. К этому времени она будет занята продажей фермы и переездом. И вот еще одна ферма будет разделена на куски и продана под летние дачи для горожан.

Она посмотрела в угол кладбища Св. Освальда, где похоронены те, кто были когда-то для нее самыми дорогими в жизни. Там стояли два скромных могильных камня с надписями на латыни.

«Nos habebit humus». Земля примет нас.

«Mea filia pulchra». Моя красавица-дочка.

Латынь – удобный язык для того, чтобы прятать в нем свое горе. Нора не хотела, чтобы люди видели ее горе. Достаточно того, что отец и ребенок лежали тут вместе под кленом, который пробуждался каждую весну.

Фермеры привыкли к жестокости природы и к смерти, – размышляла она. Серые вороны выклевывали глаза у слабенького новорожденного ягненка, а лисы отгрызали у него голову. Природа не щадит слабых, уничтожает их. Но та эпидемия косила всех без разбора.

Том все-таки выздоровел, а вот Ширли нет. Нора почти никогда не говорила об этом. Зачем? Какой смысл выть, рыдать, кататься по земле от горя, если у тебя есть еще один ребенок и ты должна растить его и следить за порядком на ферме. Когда у тебя есть семья, держи всю свою боль под замком. Вот почему людей из Долин часто называют холодными, бесчувственными и считают, что им неведомо слово «страдание». Однако смерть Джима и беда с ящуром опровергли это поверхностное суждение. На обветренных лицах людей, собравшихся в этот серенький день на кладбище, читались те же страхи и горести, что и у жителей других графств. Правда, фермеры справлялись с ними каждый на свой лад – кто-то с помощью религии, а кто-то пьянства. Ей было чуждо и то и другое, поэтому ей приходилось тяжелее других.

– Какое огромное горе, миссис Сноуден, – шепнул ей на ухо Брюс Стикли. В своем темно-синем пальто классического покроя и отглаженных брюках он казался, да и был, успешным земельным агентом. Нора никогда не доверяла мужчинам, у которых было время на то, чтобы так следить за своими брюками. Она быстро кивнула и отвела взгляд в сторону.

Брюс Стикли в последнее время охотно пускался в беседу.

– Вот и думаешь, что же будет дальше, правда? – продолжал он. – Если установится такой климат, скоро тут и ферм не будет. Вы останетесь последними в долине.

Нора лишь молча пожала плечами.

– Но вам нечего волноваться, – продолжал он, не замечая, что разговор ей неинтересен. – Вы владеете в Долинах весьма престижной собственностью, с тремя магическими ингредиентами. – Он усмехнулся.

– Что ж, говорите. Удивите меня, – едко усмехнулась она.

– Место... место, место, – ответил он. – Южный склон, прекрасный вид на долину и великолепный ансамбль старинных построек. Мало что может соперничать с такими козырями. Даже несмотря на неважное состояние фермы, вы получите за нее кругленькую сумму. Если надумаете ее продавать, я надеюсь, что вы позвоните мне первому.

Будь она мужиком, она бы врезала по яйцам этому карлику с прилизанными волосами и дряблыми веками, хотя бы для того, чтобы убрать хитроватое выражение с его мерзкой рожи. Он думал, что он пуп земли, этот ничтожный червь, пожирающий дохлую собаку.

– Сейчас неуместно говорить об этом, – высокомерно заявила она, пронзив его ледяным взглядом.

– Да-да, разумеется... просто я хочу, чтобы вы знали, – поспешно пробормотал Стикли и скорчил скорбную гримасу, хотя сочувствия в нем было столько же, сколько у волка, прыгающего на овцу.

– Но с чего вы взяли, что мы хотим продать хозяйство? – резко спросила она.

– У Ника нет наследника, да и обстоятельства у вас изменились, – ответил он уже с меньшей уверенностью.

– Как это изменились?

– Я знаю, каково сейчас фермерам с холмов. Я видел, что Ник был на лекции по диверсификации. Вы что, решили перестроить другие амбары?

– То, что мы решили, тебя не касается, молодой человек, – отрезала она. – Я вижу, что ты вылитый папаша. Я знала его. Он всегда торговался до последнего, всегда высматривал что-то подешевле или с уценкой. Вы хорошо нажились на людском горе за все эти годы... Мы пришли сюда проводить в последний путь беднягу, который не выдержал обрушившихся на него неудач, а не для того, чтобы торговаться над его гробом. Надо уважать людей.

Она повернулась спиной к земельному агенту и пошла к могиле, чтобы бросить в нее горсть земли. Ей не хотелось, чтобы Брюс Стикли заметил, что его слова попали в точку.

Значит, уже ходят сплетни, что Нора с сыном, как и многие фермеры, готовы на перемены. Достаточно лишь зайти в рыночный день в офис агентства недвижимости, и досужие умы тотчас сложат два плюс два и получают пять. Ник был прав: Брюс положил глаз на их дом и хочет приобрести его для себя. Что ж, она скорее продаст ферму себе в убыток, чем согласится на такое унижение.

На север

В Брэдфорде шел дождь, потом, когда путники свернули с М62 на шоссе на Скиптон, повалил мокрый снег; но Кэй Партридж неустрашимо вела «Фрилендер» на север по А65. В Сеттле на тротуарах лежал снег. Они осторожно двинулись на подъем. Густые снежные хлопья, похожие на гусиные перья, ложились на ветровое стекло.

Стараясь не впасть в панику и радуясь, что уборочные машины уже почистили дорогу, Кэй карабкалась и карабкалась наверх, переезжая при тусклом свете дня звякающие решетки, не дающие домашнему скоту выходить на дорогу.

– Мы почти приехали? – спросила Иви, ее дочь; сунув в рот палец, она с интересом глядела на снег.

– Последний бросок, лапушка, – ответила она, не решаясь остановиться, чтобы автомобиль не сполз вниз, в ловушку, где они надолго застрянут. Машина была забита до крыши постельными принадлежностями, игрушками, книгами, продуктами из холодильника свекрови, видеоаппаратурой, пластиковыми мешками с одеждой. Так что балласта оказалось много.

После того как она решила арендовать коттедж, все сложилось так гладко, словно ее решение было не импульсивным, а тщательно продуманным.

Она влюбилась в Уинтергилл-Хаус сразу, как только увидела его на экране. Возможно, все дело в его названии, близком к представлениям о доме ее мечты. Еще ей хотелось найти дом на зимние месяцы, а тут даже в слове «Уинтергилл» была зима, «уинтер». Дом выглядел старинным, одиноким, да еще стоял на склоне холма. Да и все остальное тоже ее устраивало. В доме имелось три спальни, и он был частью старинной фермы. Еще Кэй просмотрела на всякий случай кучу информации об окрестностях. Уинтергилл-Хаус находился неподалеку от Банкуэлла, где когда-то жила ее бабушка, хотя, конечно, ее едва ли кто-то теперь вспомнит. Собственный сайт был даже у деревенской школы. Кэй захотелось вернуться в Йоркшир; для нее это знакомая территория, хоть она и не возвращалась туда много лет.

И вот теперь они очутились в другом мире, а колеса с хрустом принимали первый снег. Это было на грани восторга, но одновременно и пугало. Ведь еще только ноябрь, что-то рановато для снежных буранов. Скоро покажутся огни Уинтергилла, словно бакены на большой реке. Потом непогода отрежет эту ферму от всего мира, но Кэй на это наплевать.

– Ну вот, мы и одолели эту гору, – с облегчением вздохнула Кэй и повернулась к дочке; та уже спала, закутавшись в одеяло. Что ж, теперь можно сделать остановку, выкурить сигаретку и перевести дыхание, наслаждаясь мгновением и в то же время стыдясь своей слабости. Может, ей снится все это? Может, сейчас она проснется в Саттон Колдфилде и увидит склонившуюся над ней свекровь?

* * *

Бедная Юнис! Она без стука влетела в спальню Кэй, размахивая билетами.

– Я купила места в первом ряду бельэтажа на День рождественских подарков!.. Замечательно, да?

– Да, вы очень заботливы, но, боюсь, в этом году мы не будем встречать здесь Рождество, – прошептала Кэй. – Я забронировала деревенский дом в Долинах.

– Забронировала и ничего нам не сказала? – ужаснулась Юнис. – Надолго? Давай все переиграем и перенесем заказ дома на январь.

– Мы уедем сразу, как только начнутся каникулы... у меня аренда на полгода, – ответила Кэй, стараясь не замечать ужас, появившийся на лице Юнис.

– Но ведь так нельзя... ни с того ни с сего уехать и оставить нас, – застонала Юнис. – Ведь на носу Рождество... Как же школа? Нельзя взять Иви под мышку и тащить неизвестно куда. Что в тебя вселилось такое? После всего, что мы для тебя сделали. По-моему, тебе надо посоветоваться с твоим психотерапевтом.

– Я уже советовалась, – ответила Кэй. – Так что я действую осмысленно, а не с бухты-барухты. Скоро год, как нет Тима. Все это время вы очень заботились о нас с Иви, и я вам невероятно благодарна и следовала всем вашим советам. Но я не могу вечно сидеть у вас на шее, жить в вашем доме, болтаться как неприкаянная. Мне надо жить дальше. Надо вернуться к прежней работе.

– Чепуха. Все это твоя депрессия – она толкает тебя на необдуманные поступки. Бедняжка Иви, что скажет она по этому поводу? Она так ждет Рождество. Она привыкла к своей школе, они поедут с классом смотреть рождественскую пантомиму. Мы с бабушкой хотим побаловать ее чем-нибудь особенным. Хотя, конечно, отца ей уже не вернешь... – Глаза Юнис наполнились слезами, и Кэй почувствовала себя чудовищем, ведь она портила все планы своей заботливой свекрови.

– Да, Тима уже никто нам не вернет, и это Рождество будет ужасным. Мы все будем вспоминать прошлый год и весь тот кошмар. Вот я и решила как-то вырваться из горестных воспоминаний. Сначала думала поехать в Африку, на сафари, или в Марокко, где не празднуют Рождество...

– Нельзя лишить девочку праздника, – в ужасе возразила свекровь.

– Ну, без Рождества можно обойтись. Многие уезжают на это время в другие страны. Но потом мне пришла в голову более удачная идея. Мы можем пожить несколько месяцев в деревне. Я нашла в Интернете симпатичный дом. В графстве Йоркшир. – Она замолчала, решив, что Юнис ее не поймет.

– Йоркшир! У черта на куличках! – с отчаянием выкрикнула свекровь.

– Почему бы и нет? Там выросла моя мама. Долины очень красивые. Там тихо и безопасно, люди приветливые. Недавно у них была большая беда. Я хочу проявить солидарность со своими соплеменниками, – ответила Кэй, решив никого не посвящать в свою истинную причину – в мечту, которая несла ей утешение и придавала храбрости.

После гибели Тима в автоаварии в канун Рождества горе словно заморозило ее, отняло всякую волю; Кэй была не в силах принять даже самое безобидное решение. Да еще родители Тима окружили ее необычайной заботой; их агрессивная доброта отрезала ее от реальной жизни. Кэй задыхалась от нее. Она понимала, что за всем этим лежит их желание не отпускать от себя Иви, единственную внучку. Теперь пришло время двигаться дальше.

– В Долинах холодно и мокро, а еще там была эпидемия ящура, – не унималась Юнис, не желая сдаваться. – Туда можно поехать летом, но не среди зимы. А как быть со школой?

– У них там есть школы. Да и там не Антарктида. – Кэй прикусила губу, чтобы не обидеть свекровь своим раздраженным тоном, и старалась дышать ровно и глубоко.

Юнис решила вызвать подмогу и крикнула мужу, дремавшему в зимнем саду за чтением газеты.

– Деннис! Иди сюда! Ты только послушай, что придумала Кэй. Как же мы будем жить без Иви? Она вылитый Тим, те же серые глаза, такой же нос. – Из ее глаз снова полились слезы, но Кэй уже приготовила убедительные аргументы.

– Увы, она не Тим. И она не может заменить вам сына. Девочке нужно самой справиться с трагедией. А делать вид, что Тим не погиб, тоже толку мало. – Она дала выход раздражению, копившемуся в ее душе долгие недели.

– Что ты имеешь в виду? – покраснев, закричала Юнис.

– Вы говорите о нем так, словно он живой и вот-вот вернется, как только закончится его деловая поездка. Иви думает, что он вернется домой к Рождеству. Она написала письмо Санта-Клаусу, в котором просит вернуть ее папочку. Я не хочу ее обманывать. – Кэй помолчала. – Мне надо было давно сказать об этом. Я знаю, вы хотите сделать как лучше...

– Нельзя быть такой жестокой! Мы стараемся ее защитить. Она еще слишком мала и не понимает, что такое смерть. У нее начнутся кошмары. Ведь ей всего семь лет.

– Даже маленький ребенок должен знать, что смерть – часть жизни, что иногда случаются ужасные вещи. Каждый раз, когда я пытаюсь рассказать ей про несчастный случай с Тимом, она закрывает ладонями уши и говорит, что папа уехал зарабатывать денежки. Не надо превращать его в какого-то гипсового божка или делать вид, что он просто живет где-то в другом месте. – Кэй замолкла, увидев боль на лице свекрови. Но правду надо было сказать.

– Мы лишь делаем то, что лучше всего для Иви, – растерянно пробормотала свекровь.

– Конечно, я понимаю... мы все страдаем без него; он так безумно уставал из-за своей работы... спрашивается, ради чего?

– А что ты хотела, девочка моя? Он обеспечил вам обоим хорошую жизнь. Он умер ради своей семьи. – В глазах свекрови вспыхнул огонь.

– Он все время пытался втиснуть в свой и без того напряженный график что-то еще. Он гнал по автотрассе в плохую погоду, опаздывая, как всегда, на очередную встречу, хотя должен был провести эти часы с нами. Он умер так же, как жил, – в спешке. Это так несправедливо... Я просто не могу находиться тут... в канун Рождества. Неужели вам это непонятно? Мне надо уехать отсюда, пока я еще в состоянии что-то делать самостоятельно.

Больше сказать было нечего.

– Ты так ожесточилась за последние месяцы. Мне надо было бы догадаться, что ты что-то задумала. Я надеюсь, ты не заразишь Иви своей депрессией. – Перчатки были сброшены.

– Кто-то ведь должен говорить Иви правду. Я с готовностью отказалась от своей карьеры и растила ее, но я не могу молча и равнодушно слушать, как вы внушаете ей, что Тим не умер. Сколько раз мы переезжали с места на место ради его карьеры? Сколько раз покупали новую мебель и налаживали заново свою жизнь? Вы забыли, что наша мебель все еще лежит в хранилище и что наш переезд был в самом разгаре, когда Тим погиб? Или то, что он отложил окончательное переселение на январь, чтобы не пропустить торговую конференцию во Франкфурте? И вот я оказалась после катастрофы у вас, беспомощная, парализованная от ужаса и безделья. Он так много работал – слишком много, – и как отблагодарила его проклятая фирма? Почти никто из его коллег не удосужился приехать на похороны. Они просто швырнули нам деньги для очистки совести... Теперь я могу никогда не работать... Неужели вы думаете, что мне не хочется увидеть его живым? Господи, да я бы все отдала за то, чтобы он вошел сейчас в дверь! Но я видела его мертвым... Я не могу быть в канун Рождества в этом доме... Простите меня, Юнис. И скажите мне, почему все так случилось? Вот он был, и вот его нет. А у меня ничего не осталось. Я не мать-одиночка, я не разведена, но я вдова с ребенком.

Из Кэй хлынула накопившаяся горечь. Она видела огорченное лицо Юнис, но уже не могла сдержаться. Она протянула руку, словно успокаивая, и продолжила:

– Вот только что жизнь была как конфетка, пирог в духовке, пудинг на полке, индейка в холодильнике, Иви прыгала от радости и ждала, когда папа привезет елку. А потом – взрыв, и нам осталось лишь утирать слезы, улыбаться, чтобы Иви ничего не заподозрила, и делать вид, что Тим лишь задержался на работе. Так мы и живем до сих пор. В новом году все должно быть иначе, ради всех нас.

Подняв глаза, она увидела, что свекровь молча кивнула. Свекор, стоявший в дверях, положил руку на плечо Кэй.

– Девочка права, мать. Иви нужно жить дальше и смотреть вперед. Это у нас остаются наши воспоминания, а у нее есть ее мама. Они должны делать то, что нужно им. Я не знаю, Кэй, как ты справлялась с нервами все это время.

Деннис Партридж был не из тех, кто любил длинные речи, и Кэй стало стыдно, что она огорчила родителей мужа.

– Что же нам делать, Деннис? – спросила его жена.

– У нас появилась возможность поехать в Бат и навестить твою подругу; она давным-давно зовет нас в гости. Пора пошевелиться и нам. А Кэй с Иви навестят нас, когда устроятся на новом месте, правда? – Деннис умоляюще посмотрел на невестку.

– Конечно, и вы приезжайте к нам на Новый год, – ответила Кэй, испытывая облегчение оттого, что тяжелый разговор позади. Теперь возврата не было. Хорошо, что ее не будет в Саттоне на Рождество. Она спрячется от этих праздников там, где ее никто не знал, чтобы на нее не показывали пальцем и не говорили, что она «та самая женщина, у которой муж погиб в канун Рождества».

Им повезло. Страховки, выплаченной за мужа, хватит и на жизнь, и на развлечения. Теперь она хочет осуществить свою мечту. И пока этого для нее достаточно.

* * *

Кэй потушила окурок и вгляделась в темноту. Конечно, она рисковала до смешного нелепо, арендовав дом, который никогда не видела. Но она чувствовала, что все в порядке. Уинтергилл показался ей самым подходящим местом, где она проведет несколько месяцев и подумает о своем будущем. Это будет ее нора. Зимняя темнота спрячет их от любопытных глаз. Тут ее никто не знает. Мало кто помнит ее мать, уехавшую из дома еще студенткой. Эх, если бы ее родители были живы! Увы! А она была у них единственным ребенком и после их смерти осталась совсем одна. Так что на поддержку родных рассчитывать не приходится.

Переезд даст ей некоторую передышку. Может, она поймет, как лучше объяснить Иви, почему папочку не нужно включать в список рождественских поздравлений.

Она опустила стекло еще ниже и выглянула наружу. Снег сменился дождем; ее лицо укололи ледяные капли. Что ж, пора ехать дальше и проверить полный привод внедорожника и ее собственную фантазию.

* * *

Ник отмокал в ванне, когда до его слуха донесся звонок в дверь, а Маффин залился внизу, в холле, яростным лаем. Матери дома не было; она вернется, когда сделает все свои дела в церкви. Придется ему самому вылезать из воды и идти открывать дверь.

Ключи для Партриджей лежали на столике в холле. Супруги задерживались, изрядно задерживались, и Ник надеялся, что из-за дождей, обрушившихся в последние дни на Йоркшир, они аннулируют свой заказ. Барометр не обещал ничего хорошего. Горожане ведь неженки, если речь идет о плохой погоде. Вылезать из ванны не хотелось, но звонки не прекращались. Чертыхнувшись, Ник схватил полотенце и спустился по лестнице, оставляя мокрый след на темном дубовом полу.

– Да? – рявкнул он.

За дверью стояла молодая рыжеволосая женщина в шапке с помпоном.

– Это Уинтергилл-Хаус? – спросила женщина, дрожа от холода и стараясь не смотреть на голого мужчину, прикрытого небольшим полотенцем.

– Да. – Ему стало неловко, но он старался не подавать вида.

– Простите, что мы приехали так поздно, но мы задержались в дороге. Я пришла за ключом. Мне жаль, что я вас побеспокоила.

– Нет проблем, – буркнул он, ругаясь про себя. – Заходите в дом. Сейчас я оденусь.

Он зашагал наверх, оставив ее в холле, где она стала разглядывать старинные гравюры и черные дубовые панели. Черт побери, теперь ему надо одеваться и возиться с постояльцами. Почему они не могли приехать раньше, как цивилизованные люди? Вот всегда так с этими горожанами. Весь вечер испорчен. Он поискал на столе среди хлама свою связку ключей.

В прежние времена они вообще ничего не запирали, ни дома, ни амбары, ни гараж с тракторами и пикапами. А теперь они живут, словно на военной базе, прямо Форт-Нокс какой-то, а не Уинтергилл-Хаус. Только в прошлом месяце какой-то ловкач стибрил верхний ряд камней со стенки, огораживающей владения фермы, сотни камней. Небось продал их где-нибудь на строительном рынке в соседнем графстве по пятерке за штуку. Вот и квадроцикл приходится запирать, чтоб не увели.

Ник натянул джинсы и свитер, обтрепанную куртку «Барбур» и, по привычке, старую кепку. Маффин радостно засуетился, решив, что они поедут в поля. Дождь перестал. На темном небе показалась луна. Ник повел внедорожник к Боковому дому. В машине сидели только женщина и ребенок. Где же супружеская пара, которую ожидала мать? Не слишком-то она обрадуется появлению на ферме ребенка.

Двор был погружен в темноту; на незнакомых людей загавкали сторожевые собаки. У Бокового дома Ник достал из кармана ключи. Обычно это была работа матери – она водила жильцов по дому, показывала им комнаты, кухню, выключатели и все такое. Его дело – следить за исправностью электрики и вовремя пополнять запасы топлива.

– Отопление включено. В доме тепло, воздух свежий. Остальное вам покажет утром миссис Сноуден. Она оставила для вас на столе корзинку с самым необходимым. Так что разбирайтесь, – сообщил он, стоя в темноте и не зная, что еще сказать. Будь он проклят, если станет суетиться вокруг этих новых жильцов.

– Спасибо, – поблагодарила рыжая. – Джинива, скажи дяде спасибо.

Девочка опасно смотрела по сторонам.

– Мы будем тут жить? Как темно. Мне не нравится...

– Иви, все будет хорошо... Дочка очень устала... А я думала, что мы будем жить в самом Уинтергилл-Хаусе...

Он почувствовал их разочарование и лишь пожал плечами.

– Нет-нет, тут без вариантов... Благодарите Брюса Стикли – это он ввел вас в заблуждение. Он выставляет наш дом на сайте и расписывает его достоинства, но не сообщает, что жить придется в другом месте. Вы можете предъявить к нему претензии, но жить будете здесь. Тут все совершенно новое. Устраивайтесь, миссис Партридж.

Попятившись, он вышел во двор и с облегчением закрыл за собой дверь. Прошедший день выдался нелегким, но он наконец-то позади. Теперь можно выпить виски и послушать Баха.

* * *

У Кэй не было сил спорить, когда Иви захныкала.

– Мне не нравится этот дом. Тут воняет. – В самом деле, в доме пахло навозом, пылью и старым дезинфектантом.

– Мы приехали. Давай достанем все, что нужно для ночлега, и выпьем какао. Уже поздно, мы с тобой устали. Завтра во всем разберемся. – Кэй оглядывалась по сторонам и пыталась убрать разочарование из голоса. Видно было, что их поселили в переделанном амбаре. Пахло

сосной и свежей краской, пустой комнатой и новой занавеской, а также химическими моющими средствами.

В доме было чисто, опрятно, безупречно продумано, но без всякой изюминки: циновки из морской травы, неизменная сосновая мебель, декор в стиле восьмидесятых. Кухня безупречная, оборудованная всем необходимым. А что она ожидала? Панели из черного дуба, каменные полы, древние потолочные балки и большой уютный камин? Ее бабушка жила не так в своем банкуэллском коттедже.

Этот дом можно поднять и перенести в любой пригород. Даже стены были украшены стильными гравюрами, старинными картами и сценами из деревенской жизни. Внезапно Кэй почувствовала, что готова расплакаться. Они оказались беженцами в чужом краю, зависящими от незнакомых людей. Этот мужчина держал себя с ними грубо и сурово. Может, его жена окажется более приветливой. Сердце Кэй сжималось от усталости. *Что я наделала? Зачем приехала с дочкой в это угрюмое место?*

Она налила усталой дочке какао, постелила на ее кровать под простынку пластиковую подложку (в последний год, после всех переживаний, Иви иногда просыпалась мокрая). Подвинула к кровати ящик для лампы-гриба и мягких игрушек Beanie Babies. Сегодня можно будет обойтись без убаюкивания.

Потом она налила себе в чашку из фляги щедрую порцию рома. Назад дороги нет. Они застряли в этом доме на вершине холма. Она следовала своей странной мечте, полагаясь на удачу. Почему в темноте все кажется хуже, чем на самом деле?

* * *

Наутро Кэй проснулась и долго глядела на потолочные балки. Тишина нервировала ее: никакого городского шума – скрежета тормозов, стука дверей, громкого радио или полицейских сирен вдалеке. Спали они долго. Отодвинув шторы, Кэй увидела сад, окутанный сырым туманом, клубившимся как дым. Поодаль она различила белые контуры Уинтергилл-Хауса, но лишь контуры.

Она снова легла и мысленно прикинула список первоочередных дел. Если они останутся тут жить, значит, дом нужно немного модифицировать: на твидовую софу набросить плед, а на него положить несколько ярких подушек, на стены повесить постеры, чтобы прикрыть анемичную краску. Они поедут на ближайший рынок и купят все необходимое, чтобы в доме стало веселее.

Они не спеша позавтракали с дочкой ломтиками тостов и вареными яйцами из хозяйской корзины. Иви удалилась на софу и, сунув палец в рот, стала смотреть детский телевизионный канал в окружении своих игрушек. Кэй с интересом осмотрела переделанный амбар. Почему хозяева выбрали такой городской дизайн? Где же галереи на верхнем этаже и незакрытые стропила, которые она видела в журнале «Жизнь за городом»? Даже большие амбарные двери были закрыты камнем, разрушая романтический дух этого места.

Лишь высунувшись из двери наружу, Кэй поняла, что ветер гонит дождь по саду, словно дым костра. Она уже забыла, как сыро бывает в Йоркшире. Им с дочкой понадобится какое-то серьезное снаряжение от непогоды – непромокаемые плащи и резиновые сапоги. Анораки вряд ли выдержат ветер с дождем.

Конечно, действительность резко отличалась от той картины сельской идиллии, какую рисовала себе Кэй: газета в почтовом ящике, бутылка молока на крыльце, автобус, направляющийся на рынок. Как же она проживет без любимой газеты «Гардиан»? Ей столько всего нужно узнать у миссис Сноуден да не забыть бы поблагодарить ее за корзину с припасами. В спешке она захватила в дорогу только замороженные продукты, завернув их в газету. Но вдруг снего-

пад отрежет их от ближайшей продуктовой лавки? Кэй принялась составлять список самой необходимой провизии на этот случай. Она чувствовала себя словно покоритель Арктики.

Потом она перенесла из внедорожника всю одежду и решила, что та слишком яркая для деревни. Книги и игрушки Иви она сразу складывала в свободной комнате. Кэй уже закрывала дверь, держа в руках охапку видеокассет, когда на дорожке показалось привидение в потертом макинтоше, с капюшоном на голове, напомилавшее знаменитую фермершу Ханну Хоксвелл, героиню телепередач. В руках оно несло поднос, накрытый чистым полотенцем.

– Я рада, что застала вас, миссис Партридж. Простите, что я не встретила вас вчера вечером, но надеюсь, что вы устроились нормально. К сожалению, погода у нас плохая, да и прогнозы не утешают... слишком рано в этом году пошли дожди и холода, – сказала розовощекая пожилая женщина, выглядывая из-под капюшона. – Я принесла вам кусок своей выпечки, а то вдруг у вас ничего нет из еды. Это паркин, наша местная коврижка.

– Заходите, заходите, миссис Сноуден, – пригласила Кэй. – Мы как раз хотели зайти к вам и поблагодарить за молоко, яйца и хлеб.

– Добро пожаловать в наши края. Вы храбрые, раз решили приехать сюда в конце года. В этом сезоне вы первые наши постояльцы. Как вы догадываетесь, этим летом наши края не пользовались популярностью у отдыхающих. – Голос хозяйки звучал низко и ровно, лишь с небольшим йоркширским акцентом, а речь была правильная, речь образованного человека.

– Передайте благодарность вашему мужу; он просто спас нас вчера, – сказала Кэй и увидела, что на лице женщины появилась улыбка, потом раздался гортанный смех.

– Сейчас скажу Николасу. Конечно, минувший год выдался тяжелый, но мой сын все равно не мог так постареть. Это он вас впустил.

– Ой, извините, – пробормотала Кэй. – Было темно, я так устала и не очень его разглядывала. – Старая фермерша засмеялась. На звуки разговора из комнаты вышла Иви; она все еще была в пижаме, светлые волосы падали на лицо. – Это моя дочка Джинива. Иви, поблагодари миссис Сноуден за завтрак; а еще она принесла нам к чаю поднос с паркином.

– Что такое паркин? – Иви с подозрением смотрела на плоские коричневые квадратики. Улыбка пропала с лица миссис Сноуден.

– Я думала, что вы приедете с мужем, миссис Партридж, – пробормотала она, удивленно глядя на девочку.

– Вероятно, мы просто не поняли друг друга. Нет, мы приехали вдвоем с Иви. Хотим немного пожить тут в тишине и покое, – ответила Кэй, не желая вдаваться в подробности.

– Значит, она будет ездить в школу в Уинтергилл? Автобус собирает детей в конце дороги.

– Мы пока не решили... возможно, я сама буду учить ее дома, пока мы не вернемся в свои края. Для нас это вроде как эксперимент, верно, Иви? – Кэй обратилась к дочке, но та лишь пожала плечами.

– Тут у нас хорошая школа, одна из лучших. Пат Баннерман крепко держит все в руках. Мои дети ходили в нее когда-то... – Женщина вдруг резко замолкла, потом добавила: – Я не уверена, что девочке понравится в нашем доме.

– А я уверена, что все будет хорошо. Иви спокойная, хлопот вам не доставит, а нам нужно немного отдохнуть от привычного распорядка. Не знаю, стану ли я отдавать ее в школу. – Между тем Иви снова вернулась к телевизору. – Нам нужно кое-что купить из одежды для такой погоды. Где лучше всего?

– Сколько ей лет? – спросила женщина глухим голосом.

– Почти восемь. Она высокая для своих лет, но в остальном еще ребенок. – Кэй стало любопытно, почему миссис Сноуден проявила интерес к Иви.

– Ей будет скучно на этих холмах. На фермах почти нет детей. Все уезжают в школу. Присматривайте за ней – фермы не детская площадка. Обычно я отказываю семьям с детьми.

Я думала, что вы приедете сюда с мужем, как я уже говорила. Мы не можем брать на себя ответственность, если что-то... Впрочем, сейчас работы на ферме немного...

– Не беспокойтесь, Иви разумная девочка, она привыкла к осторожности. Я позабочусь о том, чтобы она вела себя хорошо. И спасибо за коврижку. Сама я ничего не пекла давным-давно, – призналась она. У Юнис всегда было полно кексов и пирогов, но у Кэй после гибели мужа пропал аппетит.

– У нас принято печь пироги, вернее, было принято. Молодежь теперь тоже ленится и покупает готовую выпечку. А ведь неизвестно, что туда кладут, верно? Ну ладно, устраивайтесь. Не буду вам мешать. Вас все тут устраивает? Вопросы какие-нибудь появились? – Миссис Сноуден пошла к двери.

– Мне хочется узнать побольше о вашем старом доме. Я вижу, что у него богатая история. Я-то думала, что мы поселимся в нем. – Кэй решила не скрывать свой интерес к дому.

– Дом состоит из многих кусков, к нему постоянно что-то пристраивали, а что-то сносили. Мой сын знает о нем все, это его сфера интересов. Семья моего мужа владела домом со времен королевы Елизаветы. Попросите Ника, чтобы он устроил для вас экскурсию, если вы не боитесь беспорядка. Мы с ним живем, так сказать, спина к спине. Нас это устраивает. – Миссис Сноуден улыбнулась. Кэй понравилась эта женщина, несмотря на ее суровый вид и резкие манеры. Вероятно, она была красавицей – у нее высокие скулы и острый взгляд голубых глаз.

– А ваш муж? Он тоже фермер? – спросила Кэй.

– Нет! Разве что он пашет поля в угодьях святого Петра. Он ушел из жизни много лет назад, еще до этой политики в отношении фермеров. Он восхищался Мэгги Тэтчер и думал, что нам всегда будет хорошо.

– Простите. Должно быть, этот год выдался для вас нелегким. Поля пустуют. – Кэй сочувственно кивнула, надеясь, что она не огорчила вдову.

– Ох, милая, я и не предполагала, что доживу до такого. У Тома были хорошие земли. Я была моложе его, а времена были проще, чем нынешние. Тогда можно было послать детей на учебу в университет. Он тяжело работал ради своей семьи – этого у него не отнимешь. Как хорошо, что он не видит, как уничтожены все его племенные животные. А вы не замужем? – Миссис Сноуден замолчала, ожидая ответа.

– Мой муж погиб в автомобильной аварии в прошлое Рождество. Это было очень тяжело. – Ей всегда было трудно произносить эти слова, но лучше уж ничего не скрывать. Чтобы не вышло недоразумений.

Миссис Сноуден посмотрела ей в глаза прямым взглядом, и что-то невысказанное произошло между двумя женщинами.

– Извините... Значит, думаю, вы не рады Рождеству.

– Тут много чего накопилось, – вздохнула Кэй. – Но Иви еще слишком маленькая, чтобы это понять.

– Надеюсь, вы позволите мне говорить прямо, – прошептала миссис Сноуден. – Отдайте ее в школу. Там она хорошо встретит Рождество. Ну а вы сможете побыть в стороне от праздника, наедине со своим горем. Может, вам станет легче. Надеюсь, вам тут будет хорошо. Смена обстановки так же полезна, как и отдых, но горе останется с вами навсегда. – Она помолчала. – Поезжайте в Скиптон, там на Хай-стрит есть рынок. На нем можно за полцены купить зимние шмотки. Погода у нас непредсказуемая. Знаете, что говорят про йоркширский климат? Девять месяцев зима, а три месяца плохая погода. – Она засмеялась.

– Так любила говорить моя бабушка Нортон. Она жила в Банкуэлле. Я приезжала к ней на каникулы, – сообщила Кэй.

– Нортон, надо же. Тогда мы практически родственники, если это так. Когда-то это была большая семья... Может, я знала ее?

– Она была Бетти Нортон, замужем за Сэмом. Мою мать звали Сьюзен... она училась в школе в Сетле.

– Ну, я училась намного раньше... Господи, мир тесен! Она была членом Женского института?

– Возможно, была. Впрочем, она умерла много лет назад. Мама продала ее дом.

– Мне тоже хочется жить в каком-нибудь маленьком доме в Банкуэлле, но это уже другая история... Ну, мне пора. Сейчас расскажу Нику, что ты подумала, будто я его жена, – уже у двери миссис Сноуден показала пальцем на Иви. – Следите за ребенком и определите ее в школу. – Она заковыляла сквозь туман к большому дому, качая головой.

– Чем мы сегодня займемся, лапушка? – Кэй присела на краешек софы.

– Поставим видео и закажем пиццу, – ответила Иви.

– Мечтать не вредно. Мы в деревне, так что пойдем на прогулку, подышим воздухом. Мне хочется взглянуть на старый дом. Тут много интересного. Давай сметем паутину и наберем красивых листьев для окон. Ну, давай, надевай сапоги и анорак, – бодро и весело проговорила Кэй, хотя у самой на душе скребли кошки. Ничего, что она поведала хозяйке истинную правду о себе. Только бы та не стала ее опекать. Впрочем, Иви можно отдать в деревенскую школу. Идея неплохая.

* * *

Хозяйка Хепзиба глядит на противень с выпечкой, остывающей на кухонном столе. Собака поглядывает из угла на перечное печенье, но с места не вскакивает, боится ее. Уже начинается сезон для поминального печенья, но это разве выпечка? На Мартынов день с печенья начинается малый пост, время для молитвы и воздержания. Хепзиба вдыхает запах меда и молока, символы неба и земли, а еще запахи перца, гвоздики и миндаля. Куда же делись ее решетка и сковородка? Молодежь ничего не смыслит в священном кулинарном искусстве. Разве можно такими вещами накормить бедных и облегчить страдания усопших душ?

Она выглядывает в окно, невидимая для живых. Во дворе прыгает и танцует девочка, словно пухлый подсолнечник, ее носик испачкан в пыльце пижмы. Вот она пробегает по луже. Ох, что же мать за ней не смотрит? Хепзиба замечает движение в зарослях на границе фермы.

Вот если бы кухня Бланш слушала разумные доводы... но ребенок будет теперь притягивать ее сюда словно магнит. Покоя не жди. Бланш так легкомысленно обращается с чужими детьми. Она начнет озорничать, когда тьма перевесит свет. Вставай, Уинтергилл, и гляди в оба. Опасность близка. Наша молитва принесла нам ребенка, но на этот раз мы должны окончательно покончить со злом или мы будем прокляты.

Почему же это время года приносит одни лишь горести в мое сердце? Почему оно порождает ненависть и отчаяние? Все начинается заново.

Знаменитое перечное печенье Хепзибы Сноуден, 1653

8 унций (226 г) меда

2 унции (56 г) сливочного масла

12 унций (340 г) молотой овсяной муки и немного молока, чтобы намочить имбирь, гвоздику и молотый перец

Нагрейте сливочное масло и мед до мягкости и добавьте все остальные ингредиенты. Выложите тесто кольцом.

Смажьте сливочным маслом сковороду или решетку. Очень медленно (около часа) выпекайте кольцо с одной стороны. Мед не должен подгореть.

Еще раз смажьте сковороду или решетку. Нарежьте кольцо на куски, переверните и выпекайте 15 минут, чтобы они подсыхли.

Желательно дать печеню полежать несколько дней.

* * *

– Ну-ка, пошевеливайтесь, а то мы опоздаем, и пастор рассердится. – Хепзиба надела черную шляпу с широкими полями и подгоняла слуганок, чтобы они поскорее одевались. В воскресенье всегда приходится спешить, ведь надо еще спуститься в долину и успеть к Св. Освальду в Уинтергилл. Натаниэль возился с сапогами, в которых пойдет потом на поле; он не желал тратить лишнее время, когда надо сделать сотню дел. Новый священник строго следил за тем, чтобы прихожане аккуратно посещали церковь. Если что – он и соглядатаев пришлет, чтобы проверить, не спят ли Сноудены, не пренебрегают ли они своим духовным здоровьем. Пастор Бентли не был склонен к компромиссам. Он был преданным сторонником Кромвеля и пуританской морали.

Хепзиба заботилась о своих подопечных будто наседка о цыплятах. Никто не шел в храм без чистого льняного воротника и манжет, теплых башмаков и плащей, будь то хозяева или слуги. У очага крутилось колесо прялки, не знали праздности и вязальные спицы. В духе времени, когда на шее не носили изящные кружева, а детям не шили одежду, как это ни печально. Ей надо учиться терпению и ждать волю Господа, может, он и пошлет ей ребеночка. Она покраснела от смущения и ускорила шаг, спускаясь с горы.

В каменном храме было морозно; домочадцы сели на скамью, тесно прижавшись друг к другу. Хепзиба видела, что пастор хотел утвердить свой авторитет над этой пестрой конгрегацией негодяев-папистов и бывших роялистов. С багровым от рвения лицом он взошел на кафедру. Сноудены сидели на своей обычной скамье с онемевшими от холода ногами. Голые каменные стены, откуда были убраны все неподобающие изображения, не могли отвлечь внимание от надвигавшейся бури. Натаниэль, ее супруг, уже задремывал; Хепзиба слышала, как урчал его живот, соскучившийся по еде.

– Слово Господа сошло на меня неугасаемым огнем. К нам приближается время Адвента, время ожидания, время поста и покаяния. Между тем мне стало известно, что некоторые из нас до сих пор не отступились от языческого обычая жечь костры, устраивать пирушки и уже готовятся к Святкам и Рождеству.

Да будет вам известно, что уже несколько лет практика празднования Рождества объявлена вне закона властями этого региона. Подобные действия оскверняют Священное Писание. Рождество Господа нашего – торжественное и серьезное событие, ему приличествуют пост и молитва. Но я слышал, что среди вас есть те, кто превращает это в греховное богохульство, распущенность, вольнодумство и служит скорее Сатане, чем покаянию.

По рядам прихожан пронесся ропот, люди наклонили голову, чтобы скрыть покрасневшие от стыда щеки, многие вспоминали недавнюю игру в карты, лицедейство и пьяные пирушки. Хепзиба внимательно слушала. В это утро Бентли метал громы и молнии.

– Вы ловко прячете свой стыд, распутники, танцующие и поющие в священную субботу; картежники, пьяницы и драчуны. Берегитесь! Глаз Господа все видит. Он не терпит глумления над святой верой. В Книге Судного Дня написано, что госпожа Палмер погрязла в похоти и разврате, что она выставляет напоказ свое тело с таким легкомыслием, что хоть зови констебля. Разве школяра Ноулса не застали в постели с некой Бесс Фордалл, где они лежали как муж и

жена, попирая священные узы брака? Некоторые из вас за двенадцать дней Рождества позорят Господа нашего больше, чем за предыдущие двенадцать месяцев.

Он помолчал, набирая сил для новой тирады.

– Никогда больше не отмечайте Рождество. Не поносите Его страдания своими вольно-стями. Уже несколько лет действует всеобщий обычай отказаться от соблюдения этого фри-вольного действия в пользу молитвы и поста. Пускай Рождество станет еще одним рабочим днем и не более того, иначе вас ждет кара небесная. Как бы вы ни грешили в эти недели в прошлые времена, теперь перед вами человек, который полон решимости поддерживать закон. На разгульные действия наложен запрет, а ослушников ждет вечный мрак, где на них не упадет ни луча вечного света.

Я говорю ясно. Пусть ваша трапеза будет простая, без мяса и жира, как полагается в пост. Не приносите в ваше жилище никаких зеленых веток из леса с языческими ягодами. Не позволяйте вашим детям выпрашивать сладости и безделушки, петь и танцевать. Одевайте их скромно и разумно. Наш Господь – и мясо, и питье для тех, кто Его любит. Он вознаградит ваше воздержание. Услышьте и усвойте слово Божие ради спасения души вашей. Амен.

Пастор приехал к ним в Михайлов день, в конце сентября. Хепзиба еще ни разу не видела его таким распаленным; слюни фонтаном летели с его губ. Она покосилась на скамью, где сидела ее кузина, Бланш Нортон; ее бледное лицо было обращено к пастору, белый как лед, на фоне траурной одежды красовался кружевной воротник; из-под изящной шапочки выбивались кольца волос. Ее единственная дочка Анона спокойно сидела, погруженная в свой поток мыслей, и не обращала внимания на пастора.

Волосы Бланш поседелли буквально за ночь, когда она узнала, что ее супруг Кит был убит вместе с другими роялистами в 1644 г. в битве при Марстон-Муре. В их конгрегации были люди, которые с радостью собрали горькую жатву, ограбив ее – забрав недвижимое имущество и людей, за то, что ее семья поддерживала роялистов и не ходила по воскресеньям в церковь. Недавняя война разделила округу на два лагеря. Натаниэль не присоединился ни к тем, ни к другим; лишь платил деньги, когда требовалось, и всячески старался держаться в середине, никого не задевая. Он говорил всем, что ждет Божьего суда, который в своей мудрости покарает короля. А вот кузине Бланш пришлось заплатить потерей большей части ее земли за измену супруга – дорогая плата.

Странные мы родственницы, – думала Хепзиба; я маленькая и темноволосая, она высокая блондинка. У вдовы нашлось много поклонников, привлеченных ее миловидным обликом и оставшимися в ее собственности пахотными землями, но она предпочитала управлять хозяйством сама, словно Кит был жив и вот-вот мог вернуться. Вообще-то, Хепзиба и Бланш состояли в дальнем родстве. Отец Хепзибы выбрал более простую и понятную веру, а Бланш вышла замуж в семью папистов, поэтому, пока Бланш не овдовела, кухни встречались редко.

Отец счел Натаниэля Сноудена из Уинтергилла вполне подходящим женихом для невзрачной Хепзибы. Брак устраивал всех. Хепзиба мечтала о ребенке, и ей по душе была жизнь в каменном доме на склоне холма. Вот только, к ее большой печали, дети умирали сразу после рождения, несколько раз вдохнув воздух.

Указания пастора были чрезвычайно строгими для сельского прихода, где люди жили своим привычным укладом и мало обращали внимания на церковь. У пастора были свои шпионы в лице двух констеблей, Роберта Стикли и Томаса Карра. Когда можно было получить какую-либо выгоду хотя бы из крупиц информации, Стикли был тут как тут. Оба констебля неплохо нажились на смене правления.

Хепзиба не слишком возражала против запрета на празднование Рождества. Все-таки праздник требовал больших расходов – слугам подавай жареную говядину, пирог с бараниной и плум-порридж (овсянку с сухофруктами и медом). В душе она даже считала, что Рождество придумали городские торговцы, чтобы вытрясать из людей деньги. Слуги хотели игр, танцев и

безделья, хотя всем известно, что танцы – от дьявола, ведь после Рождества много служанок оказывались брюхатыми.

Пускай себе разоряются бакалейщики, торговцы пряностями и коробейники. Она лучше потратит сбереженные деньги на хорошего барана или племенную овцу. Можно ведь заколоть поросенка, а его голову пустить на студень и начинку для пирогов.

Впрочем, всех дел не переделаешь. Празднование Рождества, в конце концов, старые папские дела, а теперь в Лондоне правил Кромвель, и пора прекратить фривольности. Теперь она серьезная женщина, не какая-нибудь там семнадцатилетняя вертихвостка, но, признаться, ее ноги сами идут в пляс, когда она слышит звуки джиги.

У Натаниэля будут свои собственные суждения на этот счет. Если он сочтет нужным отблагодарить своих скотников, конюхов, пастухов подарками и деньгами, угостить хмельным элем или отпустить на день домашних слуг в гости к родным, дело его. Наставления пастора она использует для своих нужд.

– А ты что думаешь о словах пастора насчет Рождества, Бланш? – спросила она, когда они важно, высоко держа голову, шли по церкви.

Бланш следовала за ней с угрюмым лицом, держа за руку дочь.

– Пускай он засунет их себе в задницу, этот зануда, – прошептала она. – Разве он не знает, что Рождество – время для радости, а не печали? Оно подбадривает нас в мрачную зимнюю пору, когда кругом снег и лед, фонари горят весь день, а очаг еле согревает жилище. Людям нужно немного поплясать и спеть песни, чтобы веселее глядеть в будущее. Grosh цена его словам.

У дверей Бланш демонстративно отвернулась от пастора и прошла мимо как важная особа, которой когда-то и была. Ее поведение не осталось незамеченным.

– Нони наденет новое платье, а мы позовем соседей и будем веселиться, – громко заявила Бланш. – В память моего покойного супруга я должна хорошо отпраздновать Рождество. Вон в старые времена мы выпивали все, что хранилось в погребках, ели окороками оленину и говядину с фруктовыми пирогами и всякими заморскими лакомствами. Теперь я мало что могу себе позволить, но я продам последние украшения, чтобы исполнить желание моей малышки. Она не останется без праздника из-за какого-то пастора с кислой мордой. Мы и так живем в горести, потому что с нами нет ее отца, который всегда нас защищал. Разве мы недостаточно страдали?

Она резко остановилась и посмотрела, слышит ли ее Бентли.

– Когда я сижу тут и гляжу на эту убогую церковь с голыми стенами, я вижу лишь предательство и корысть. Разве не брат Стикли постучал в мою дверь и потребовал четырех коров в наказание за нашу верность его величеству, да упокоит Господь его душу. Разве не наш прекрасный констебль Карр взял три фунта из моих сундуков, не успело тело моего бедного мужа остыть в могиле? Разве мы не попали из огня да в полымя, когда нас вышвырнули из дома, а солдаты Кромвеля разорили наши амбары и украли лошадей? Меня тошнит от всех этих указов, лишаящих всякой радости наше краткое пребывание на земле. Если в груди пастора Бентли пылает огонь, то он горит и в моей груди, но только по противоположным причинам, и я скажу ему это.

Хепзиба еще никогда не видела Бланш такой взволнованной и неосторожной в словах.

– Тише, Бланш. Это тебе не авгур, чтобы злить его. Эти люди стремятся получить выгоду из твоих бедствий. Не давай им повода написать на тебя донос, – предостерегла она.

– Ты моя верная подруга, сестра, и заботишься обо мне. Я сама могу позаботиться обо всем, но если со мной случится что-то плохое, я верю, что твое сердце будет всегда открыто для моего ребенка. Огради ее от их зависти. Я не всегда разделяла твою веру, а ты мою. Я пришла сюда, потому что так надо. Я больше не могу стоять в стороне и платить по счетам. Ты

всегда тепло к нам относилась. Нони – это все, что держит меня в этой долине слез, – сказала Бланш, вцепившись в плащ Хепзибы.

– Тогда подумай хорошенько, дорогая кузина. Не подавай этому пастору повода для наказания. Конечно, я всегда рада видеть у себя Анону. Ты храбро сражалась за свои земли и имущество. Не лишись их из-за одного-единственного необдуманного поступка. Мы родня, и тот, что причинил тебе вред, будет держать перед нами ответ, не так ли, Нат? – ответила она, надеясь, что ее поддержит супруг. Но тот шагал впереди и не слышал ее слов.

– Этот пастор пустомеля, – засмеялась Бланш, отбрасывая с лица кудри. – Он упивается звуками собственного голоса. Мне наплевать на то, слышит он меня или нет!

– Тс-с! Меня пугает твое упрямство, но каждый должен жить по совести и в согласии со Священным Писанием. А где в нем сказано, что мы должны праздновать рождение Христа? – заговорила она.

– Мне плевать, что там напечатано. В буквах нет ни плоти, ни крови, – возразила Бланш. – Я не хочу бросать старую тропу только потому, что какая-то черная ворона каркает мне, что я должна идти только этим путем. – Бланш посадила девочку на ожидавшую их повозку и быстро поехала прочь.

Хепзиба поняла, что она дрожит от холода, несмотря на солнце. В церковном дворе кричали грачи. Бланш слишком горда, ей это не на пользу. Но, конечно, она не станет искушать судьбу и спорить с человеком в церковном облачении.

Каменная ограда

Иви бежала по двору фермы, прыгая через лужи. Сидевшая на привязи овчарка Флай, черно-белая с бледно-голубыми глазами, неистово прыгала, когда она пробежала мимо. Девочка играла с матерью в прятки и сейчас торопилась куда-нибудь спрятаться, пока Кэй, поскользываясь, ковыляла по камням, которыми был вымощен двор. Впереди виднелась полоска деревьев; с них, словно золотой снег, облетали листья. От каменной стены стремглав отбежал кролик, и Иви погналась за ним, думая на бегу, что она спрячется среди деревьев, а потом выпрыгнет на мамочку.

Теперь это была ее игровая площадка – поля и поля, в которых было много чудес, словно в сказочной стране. Недавно она читала историю о том, как люди жили на верхушках деревьев... Она заходила все дальше в лес, вокруг нее становилось все темнее. Под ногами валялось столько любопытных штукovin: птичьи перья, разноцветные камешки, шишки и орехи. Среди ветвей порхали птицы. У корней деревьев кольцом росли поганки – можно было прыгнуть в середину кольца и загадать желание. Иви представила себе, что она идет по зачарованному лесу и вот-вот увидит дома, устроенные в стволах деревьев; она подняла голову, долго всматривалась, пытаясь разглядеть хоть одну дверцу, но, к своему разочарованию, ничего не увидела. Лишь перепуганная белка поскорее скрылась с глаз.

Внезапно Иви стало страшно; ей показалось, что на нее кто-то смотрит; она быстро оглянулась и на секунду увидела странную леди с длинными седыми волосами, одетую в рваный плащ. Леди выглядела словно заблудившаяся в лесу принцесса. Между деревьями внезапно поплыл белый туман, запахло дымом.

Иви хотела заговорить с леди и уже раскрыла рот, но видение пропало; только запах костра остался. Она двинулась на цыпочках вперед, решив, что леди просто скрылась в зарослях кустарника. Вокруг становилось все темнее и холоднее; внезапно к ней вернулся страх. Пора было идти назад, пока она помнила дорогу. Так она и поступила, но все равно вышла из рощи не там, где вошла в нее. Это было одновременно страшно и восхитительно.

* * *

Ничего так не любил Ник Сноуден, как чинить после полудня каменную ограду, слушая Баха и набив трубку хорошим табаком. Плеер играл Концерт для двух скрипок, а на очереди был Октет Мендельсона – так что музыки гарантированно хватит надолго. Дело спорилось, глаз и рука работали в гармонии и знали, какой камень куда положить, как повернуть, чтобы он плотно лег на место. Все равно что складывать фигурную мозаику.

Хорошо сложенная стенка простоит долго. На его участке две стенки были сооружены еще кельтами; там были высокие камни, положенные вертикально, с центром тяжести наверху. Если он выполнит этот ремонт правильно, можно будет долго не возвращаться сюда. Прежде считалось признаком исправной фермы, если в каменной ограде имелось несколько проходов. В те хорошие дни, когда еще не было ящура, он мог насчитать на одних лишь пустошах до сорока проходов. При субсидиях, дававшихся государством на постройку оград, не было оправданий для такой лени. Многие его приятели отчаялись и опустили руки, не в силах покрыть расходы на приличную каменную стенку, а вот Ник был полон решимости содержать в порядке свои ограды, хотя сейчас и огораживать было нечего – поля пустовали.

Такой работе его обучил Том, отец, чемпион по постройке каменных стен. Поругавшись с женой, Ник всегда шел чинить ограду, чтобы остыть и подумать. Надо сказать, что такая работа, наедине с ветром и полями, помогала справиться со стрессом лучше всяких психотерапевтов.

Тут он увидел девчущку из Бокового домика – та сидела в оранжевых рейтузах и ано-раке от Puffa, скрестив руки, на стене в небезопасном месте, где камни расшатались и могли выпасть.

– Ну-ка слезь со стены! Опасно, – приказал он, но она и не подумала слезать.

– Почему? – спросила она, взглянув на него пронзительными глазами.

– Потому что я так сказал. – Он посмотрел на маленькое личико с острым подбородком. – Мне еще не хватало, чтобы ты свалилась со стены и разбила себе голову. Твоя мать устроит мне скандал. Ну-ка слезай сейчас же! – Он не привык, чтобы ему дерзили такие крохи.

– Ты мне ничего не сделаешь, мистер Ворчун, – заявила она.

– Вот и сделаю. Если ты сломаешь мне ограду и овцы уйдут с моего поля, я отправлю отсюда вас обеих ближайшим поездом, маленькая мисс Грубиянка. – Он с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться. Надо же, мистер Ворчун... В точку попала. Таким он и стал в последнее время.

– Ты не там чинишь... Вон там большая дырка в стене. – Она махнула рукой влево.

– Та дырка нужна. Сквозь нее овцы переходят с одного поля на другое. Они умные. У нас такая дыра называется кривой. А вообще, тебе надо сейчас быть в школе, – буркнул он и продолжил работу, игнорируя девчонку.

– Что ты сейчас делаешь? – спросила она.

Он невольно отметил, что она забавная – типичный единственный ребенок в семье, взрослый не по годам, одинокий и самонадеянный. Он и сам был один у родителей, так что ему ли не знать... Почему же она не в школе? Вообще, нынешние дети совсем не уважают старших.

Ему хотелось лишь немного покоя, чтобы поразмыслить не спеша, как жить дальше. В следующем месяце ему предстоял трудный выбор. То, что им пришлось взять на ферму чужих людей, чтобы свести концы с концами, его мало утешало – наоборот. Вон теперь он даже стену не мог починить спокойно, без чужих глаз.

– Куда ушли все твои овцы? – спросила девочка, высвечивая очевидное.

– Я сейчас жду новых, – осторожно ответил он.

– Правда, что всех твоих овец убили? – бесцеремонно поинтересовалась она.

Он покраснел и кивнул. Потом с облегчением увидел, что по полю бежит с развевающимися рыжими волосами ее мать. Вот уж парочка, что мать, что дочка...

– Где ты была, Иви? Я искала тебя повсюду! – закричала она.

– Я исследовала лес и нашла орехи, листья и перья, а между деревьями шла белая леди, – ответила девочка.

– Ох, где же ты ее видела? – насмешливо спросил он, глядя, как у миссис Партридж губы улыбаются, а глаза печальные.

– Она махала мне рукой, но я не смогла ее догнать. Она скрылась среди деревьев, – ответила Иви.

– Чем вы кормите этого ребенка? Галлюциногенными грибами? – невольно рассмеялся Ник, а мать девочки залилась краской.

– У Джинивы живое воображение. Дети часто...

Видя ее замешательство, он попробовал объяснить.

– У нас тут по склонам часто бродят хиппи и ищут «магические грибы», – пояснил он, отчетливо сознавая, что его плащ из вощеного хлопка вонял до небес и что он сам был похож на бродягу. – Снимите ее со стены. Это не место для игр. Я уже сказал ей, что если она сломает мне стену и мои новые овцы выйдут за ограду, виновата будет она. Новое стадо не знает этих полей и разбежится. – У женщины хватило порядочности смутиться; она быстро стащила ребенка со стены.

– Я правда видела седую леди; она играла со мной в прятки, – настаивала на своем девочка, показывая рукой на дальнюю рошу.

– Ладно, ладно... Делай, как говорит мистер Сноуден, – сказала ее мать.

– А мы увидим ягнят?

Ник видел, что Иви настырный ребенок, и покачал головой.

– Нет, в этом году ничего не будет, а потом вы уедете, – и подумал – какое облегчение!

– Давай тут поживем подольше! Я хочу посмотреть на ягнят, – попросила девочка, дернув мать за рукав свитера.

– Не знаю... Может, мы просто приедем как-нибудь на выходные, когда у овец родятся ягнята, – дипломатично ответила мать. – Пойдем, лапушка, не будем больше мешать мистеру Сноудену. – Она схватила Иви за руку. – Больше так не убегай. Ты должна мне всегда говорить, куда идешь.

– Но я видела в лесу белую леди; она собирала хворост, как Золушка. Я видела, видела, – настаивала Иви.

– Ну, раз ты так уверена... – последовал осторожный ответ.

Ник увидел, что женщина бросила на него взгляд и вздохнула, не веря ни слову дочки. Странная парочка, подумал он. Интересно, что привело их на север вот так, вдвоем. Вероятно, она убежала от кого-нибудь. Если так, то место она выбрали странное. В Уинтергилле ничего не скроешь – люди живут сплетнями. Жители Долин не любят рассказывать о своих делах, зато не упустят случая сунуть нос в чужие. Вот и его мать тоже спокойно собирает информацию. Он улыбнулся.

Значит, девочка тоже видит Белую Леди, размышлял он, закуривая трубку. Потом он включил свой плеер и, наслаждаясь музыкой, вернулся к прерванной работе. По сути, он мог бы объяснить, кто такая Белая Леди, но смолчал, не желая признаваться, что и сам часто видит странное явление. Это их не касается.

Не надо быть прорицателем, чтобы догадаться, что на этих полях не будет ягнят, не будет новой жизни. Ему даже не хотелось думать, что ждать приплода придется еще год.

Внезапно у него заныла спина, а от музыки, звучащей из плеера, словно из консервной банки, засвербело в ушах. Хватит притворяться, что ты занят делом, решил он и зашагал к задней двери своего дома.

Он остановился и снова посмотрел на пустые поля. Сколько понадобится поколений, пока его новые овцы научатся понимать здешнюю погоду, привыкнут к этим холмам, будут знать, где можно безопасно пастись на болоте, где под стенами укрыться от снега? Когда его жизнь вернется в прежнюю, нормальную колею? Он хочет, чтобы у него было стадо и приличный доход. И ему не нужны дети, которые носятся по всей его ферме.

* * *

Неужели эти дороги никогда не кончатся? Бланш вздыхает. Она так много лет путешествует по утомительным тропам времени; она – тень на стене, слабое мерцание во тьме, ее можно увидеть лишь как отражение в глазах лающего пса, который чует ее запах, рычит и вонзает зубы в пустоту.

Только глаз невинного существа способен узреть тень, ставшую пленницей между мирами. Кузина Хепзиба чувствует ее появление и намерения, но ничего не знает о мире, ограниченном стенами этого проклятого дома.

Хепзиба бессильна против такого ежегодного пришествия, она похожа на жалкую клячу в стойле. А она, Бланш, свободна и может мчаться галопом по холмам, словно дикая белая лошадь, в вечном поиске. Но сейчас ее силы тают.

Я устала от этого вечного поиска. Лишь сердце ребенка видит мои волшебные треугольники в лесах, мои серебряные игрушки возле водопада. Я чувю, что девочка близко даже сей-

час... Я больше не узнаю себя. Господи помилуй. Верни мне то, что по праву мое, и я успокоюсь. Иисусе, святая Дева Мария, спасите меня.

Старый дом

Возвращаясь в свое новое жилище, Кэй и Иви сделали крюк, чтобы взглянуть на старинный дом с верхнего поля, откуда его фасад был виден целиком. Дом состоял из двух половинок, прямо не дом, а какой-то двуликий Янус. Одна половина была трехэтажная, белая, с карнизами из песчаника, с шестью окнами на каждом этаже, по три с каждой стороны от входной двери. Восемнадцать окон ловили каждый дюйм солнечного света, и дом был похож на смеющееся лицо, глядящее со склона на речную долину.

Задняя половина дома смотрела на север узкими щелочками глаз-окон. Невысокая, из грубого камня, она принимала на себя весь напор непогоды.

В холодном зимнем воздухе не слышалось птичьих голосов. На траве валялись красные ягоды боярышника, словно капельки крови; ветер гнал листья по обнесенному стеной саду, из высокой трубы поднимались клубы дыма. Кэй невероятно хотелось осмотреть дом внутри. Только надо было придумать какой-нибудь предлог для того, чтобы постучать в дверь.

Когда стали сгущаться сумерки, она постучала в заднюю дверь, сжимая бутылку вина – подношение мистеру Ворчуну в надежде, что он пойдет на мировую и устроит для них экскурсию. Под лай колли его хозяин открыл дверь и кивком впустил их в дом, удивленно глядя на бутылку. Он решил, что они ошиблись дверью.

– Что это? – Он с интересом посмотрел на этикетку.

– Просто подарок от Иви – за то, что она прыгала на ваших стенах... Ваша мать сказала, что вы могли бы устроить нам экскурсию по дому. Надеюсь, вы не возражаете? – Кэй улыбнулась.

– Дверь матери с той стороны дома, где фасад... но вы можете пройти через мою половину... только не обращайтесь внимания на мой беспорядок. – Фермер торопливо провел своих визитерш через кухню. Тут пахло как во дворе фермы: коровьим навозом, мокрой собачьей шерстью, мыльной водой и застарелым табачным дымом с легкой примесью подгоревшего хлеба и жареного бекона. На кухонном столе валялись рекламные листки, номера газеты «Фармерс Уикли», счета, нераспакованный хлеб и стояла бутылка из-под молока. В раковине томилась немытые тарелки и кружки. Возле плиты висели комбинезоны и рабочие рубашки. Кэй торопливо шла мимо этого холостяцкого хозяйства, стараясь не глазеть по сторонам и ощущая свою неуместность на этой кухне, и тут же споткнулась о пакет с собачьим кормом и цинковое ведро с водой. Колли спрятался от непрошенных гостей под столом, но с интересом понюхал руку Иви, которую она протянула к нему.

Через несколько минут, наполненных малозначащими репликами, Кэй уже жалела, что решилась на такой визит, но в душе решила осмотреть дом самостоятельно, как-нибудь. Сквозь черную дубовую дверь они попали в коридор, а потом в большой холл с каменным полом, на котором лежал обтрепанный шерстяной ковер-килим. На ковре стоял гигантский стол красного дерева. Сбоку Кэй увидела большой, уютный камин. Стол, казалось, служил барьером между двумя половинами комнаты. В огромном буфете хранилось множество оловянных тарелок; на буфете лежали телефон и нераспечатанная почта, стояло и чучело кроншнепа под стеклянным колпаком. Кэй взглянула на старинный вексель в рамке на стене, датированный 1753 годом. На стенах висели темно-коричневые фотографии, а над лестницей большие портреты. В комнате ощущался затхлый запах сырости.

Кэй мельком заглянула в соседнюю комнату и увидела там книги, компакт-диски, стереоустановку, старую софу и мраморный пол перед камином; парадная когда-то комната теперь превратилась в берлогу фермера. Музыка – ключ к этому человеку, машинально подумала она. Все прочие двери наглухо закрыты.

Они медленно поднялись по лестнице, разглядывая портреты; глаза изображенных людей неотрывно следили за ними до верхней площадки. Там Ник отворил дверь в гостиную, нежилую и холодную, с миниатюрами на стенах и красивой мебелью георгианской эпохи. Тут получился бы приятный салон, если зажечь камин и раздвинуть шторы. Ведь окна выходят на юг, из них открывается роскошный вид на долину.

– Вы когда-нибудь пользуетесь этой комнатой? – спросила она. – Какая она изящная и пропорциональная.

– Раньше пользовались, когда приезжали гости, а теперь нет. Сейчас это просто еще одна комната, нуждающаяся в отоплении. Один из моих предков построил ее для своей жены. Остальные комнаты на этаже – спальни. – Он поднялся с ними на следующий этаж; там все комнаты были забиты хламом, старинными медными остовами кроватей и столиками для умывальных принадлежностей. Иви увидела прятку, но когда потрогала ее, в воздухе повисло облако пыли, заставившее всех чихать.

– Как видите, в Уинтергилле нет ничего особенного, – проворчал их гид с пренебрежением, словно он был агентом по продаже недвижимости и речь шла не о его родном доме.

– Нет-нет, тут замечательно. У каждой из этих комнат найдется своя история. А вид какой! – с пафосом возразила Кэй, любуясь просторными спальнями. – Для постройки такого большого дома нужно было много денег.

– Когда-то на овцах сколачивали большие состояния, – ответил Ник, пожимая плечами. – По преданию, здесь во время гражданской войны однажды ночевал Кромвель со своими слугами. Одно время Сноудены были за парламент, но жили неплохо и после возвращения короля. Они были пуританами – и платили штрафы за то, что молились не в церкви, а в часовне, – добавил он, чувствуя ее интерес. – Думаю, эти каменные стены могли бы рассказать историю Йоркшира, про хорошие и плохие времена. Если бы у меня было время, я бы стал потихоньку разбирать старинные бумаги, всякие там сделки, завещания и прочее.

– Как интересно, – улыбнулась Кэй. – Если вам нужна помощь с латынью...

– Спасибо, но даже такие фермеры, как я, учили в школе латынь, – отрезал он, и она покраснела, надеясь, что он не счел ее слова высокомерными. На несколько секунд его угрюмое лицо осветилось энтузиазмом, а глаза сделались голубыми – не как холодный лед, а скорее цвета дельфтской керамики. Неужели викинги оставили свое потомство на этих холмах? – размышляла она, с интересом глядя на его высокую фигуру, длинные ноги и загорелую кожу. Но вскоре теплота момента растаяла, вернулась угрюмость.

* * *

Ник хотел поскорее отделаться от непрошенных гостей. Женщина подобралась слишком близко к тому, что было для него самым дорогим. Он чувствовал, как она очарована старинным домом, иначе зачем ей надо было бы отдавать за эту экскурсию дорогой кларет? Обычно он никого не водил по дому и не впускал их к себе через заднюю дверь, чтобы никто не видел бардак, в котором он жил. Его чувства к Уинтергиллу были глубоко личными. Иногда он чувствовал, что это не просто дом, а живое существо со своим характером, с сердцем и душой. Уинтергилл не принадлежал ни к какой-то конкретной эпохе, ни к какому-то поколению.

Ник был убежден, что его долг – поддерживать жизнь в доме, даже если дело ограничивалось ремонтом кровли и стен. Если бросить фермерство, взять компенсацию, то, возможно, ему удастся полностью все отремонтировать. Вот в чем проблема. Он мог бы сдавать свою землю в аренду под пастбища для чужих овец, а деньги пустить на дом и другие постройки. Вот только для чего? Без овец Уинтергилл перестанет быть самим собой. Да и кто возьмет на себя заботу о доме, когда он сам уйдет из жизни?

* * *

Еще никогда Иви не была в таком непонятном доме. По его коридорам можно было кататься на велосипеде... А все эти важные лица, глядящие на нее со стен... Леди в смешных шляпках, старики с усами и странными воротниками. Фотографии девочек на лошадях, в белых платьях с оборками и широкополых шляпах, как в фильме «Дети дороги». Еще там были леди в пышных юбках...

В доме пахло дымом, а не мылом, как в Боковом домике, а когда она поднималась по ступенькам, до нее внезапно донесся приятный аромат лаванды, и она оглянулась. Снизу на нее глядела какая-то леди в черных юбках; ее волосы были убраны под шапочку. В руке она держала пучок остроконечных перьев, связанных метелкой.

Иви остановилась.

– Кто это там внизу? – спросила она, потянув мать за рукав.

Мама остановилась и наклонилась за перила.

– Где?

Иви снова посмотрела на леди, но та исчезла.

– Там стояла какая-то леди и смотрела на нас, – прошептала она.

– Вероятно, это была миссис Сноуден; она ведь пригласила нас к ней на кофе.

– Нет, не она. Там была леди с перьями, – настаивала девочка, и мама потрогала ее лоб.

– Что ты придумываешь, лапушка. Там никого нет. В ваших краях водятся призраки? – спросила она у мистера Ворчуна. Он ждал их наверху, на площадке.

– Сотни, но тут я не видел ни одного. Что, вы кого-то заметили? – поинтересовался он, глядя поверх ее головы.

– Нет, я не обладаю даром экстрасенса... хотя хотелось бы, – ответила мама.

– Это я видела какую-то леди внизу возле лестницы, я, – запротестовала Иви. Почему никто ей не верил?

– Тут их несколько штук на этой лестнице, и все глядят на тебя, – засмеялся мистер Ворчун. – Их глаза следят за тобой из всех углов... Вон там Старый Джекоб, мой прапрадед, он мог бы рассказать тебе интересные истории, а вон там его жена... говорят, что она была ведьма. – Он ткнул пальцем в даму с черными глазами, в маленьком чепце.

Иви негодовала. Леди с метелкой из перьев не такая. Девчушка снова оглянулась, чтобы посмотреть, не появилась ли она. На верхнем этаже не было ничего интересного – ни лошадок-качалок, ни игрушек, ни мест, где можно играть в прятки. Там было темно и пыльно, а Иви захотелось есть.

– Можно я пойду и поищу миссис Сноуден? – попросила она. – Если хочешь, я отнесу корзинку...

– Ваша мама пригласила нас зайти... – Мамочка разговаривала с мистером Ворчуном очень вежливо.

– Спустись вниз, поверни налево и иди по коридору до конца. Там увидишь дверь. У матери своя кухня, – объяснил он, и Иви помчалась вниз, перескакивая через ступеньки.

Она была рада, что они спали в Боковом домике, а не тут, в старом доме со страшноватыми лестницами, далеко от гостиной. Боковой домик был светлым и уютным; она слышала, когда мамочка спускалась по лестнице. Внезапно она снова почувствовала запах лаванды и остановилась. Женщина в черной юбке шла впереди, не обращая на нее внимания, а потом прошла сквозь стену и исчезла. Иви растерянно заморгала. Да, очень странный дом. Если она расскажет мамочке о том, что она сейчас видела, никто опять ей не поверит.

Потом ей вспомнилось, как мамочка читала ей историю о детях из семьи Бронте, о том, как они по секрету от взрослых делали зарисовки и писали истории. Итак, это будет ее соб-

ственный секрет. Она напишет о нем мелкими буквами в своем альбоме и нарисует картинки так, как это делали Эмили, Шарлотта и Энн. Она обследует Уинтергилл и выяснит, водятся ли тут и другие леди, которые проходят сквозь стены и пахнут лавандой.

* * *

– Что вы делаете? – вежливо поинтересовалась Иви, глядя, как миссис Сноуден рубит на столе морковь и яблоки и складывает их в миску.

– Я хочу приготовить рождественские пудинги с морковкой, яблоками, изюмом, смородиной и орехами, – ответила та и показала на миску, наполненную темной смесью. На столе стояли в ряд пустые горшочки. – Теперь их надо выпаривать несколько часов, – добавила она.

Иви почувствовала запах специй и глазированных яблок. Выглядело это аппетитно.

– Если хочешь, помогай мне. Сначала надо все перемешать, потом разложить по горшочкам. На, держи ложку. Дай-ка я повяжу тебе полотенце, а то ты испачкаешь свою одежду. Вот горшки, разного размера.

– Почему вы печете так много пудингов? – спросила Иви.

– Для продажи в ларьке Женского института. Другие подарю моим друзьям. Домашние пудинги всегда нарасхват. Мой фирменный рецепт. На, попробуй, – сказала миссис Сноуден, нашла чайную ложку и зачерпнула полужидкую массу. Иви осторожно лизнула ее. Масса была сладкая и пряная, но чуточку вязкая и липла к нёбу.

– Когда все хорошенько выпарится, ты можешь взять один горшочек домой, для мамы. Потом поможешь мне сделать немного мятной смеси для пирога, – сказала миссис Сноуден. – Ее нужно ненадолго замочить, чтобы выровнялся вкус.

– Мне тут нравится. – Иви посмотрела на полки, где стояли банки разной величины и висели пучки сушеных трав. На плите в кастрюле что-то бурлило. Прямо-таки кухня колдуньи. – Почему у вас две кухни в доме? – спросила она, вспомнив, что у мистера Ворчуна есть своя плита.

– Здесь когда-то была кубовая, но меня она вполне устраивает. Тут я могу печь пироги и одновременно читать книжки. А у моего сына кухня большая. Из нее удобный выход во двор, там он держит свою рабочую одежду. Вероятно, ты заметила, что все фермеры очень сильно грязнятся. Ладно, давай наполним фунтовые горшки, – сказала миссис Сноуден и, не глядя на девочку, протянула ей вторую ложку.

– Мы считаем теперь не в фунтах и унциях, а в килограммах и граммах, – гордо объявила Иви, наполняя горшок темной смесью.

– Знаешь, я слишком стара для таких новшеств, – сказала миссис Сноуден. – У меня весы не метрические, а имперские. А мама твоя что-нибудь печет?

Иви не знала, как и ответить. Она немного побаивалась старой хозяйки, как боятся строгого учителя.

– Мы варим макароны, рис, лапшу и жарим с перемешиванием картошку, – ответила она, наконец.

– Нет, я имею в виду настоящую выпечку: кексы и пирожки, лепешки и бисквиты.

Иви покачала головой:

– Мы покупаем все это в супермаркете. Мамочка говорит, что сладкое вредно для зубов. Она разрешает мне есть пудинг только по воскресеньям, а в другие дни мы едим фруктовые йогурты и фромаж фрэ, мягкий сыр.

– Не сомневаюсь, что все это очень полезно, но все-таки в холодный день нет ничего лучше домашней выпечки. Она прекрасно согревает. – Миссис Сноуден помолчала и улыбнулась. – Когда я была маленькая, мы покупали муку и сахар мешками, а патоку кадками. Яйца заготавливали на зиму, взбивали собственное масло. Моя мать делала по четвергам все,

что угодно: хлеб, дрожжевые пироги, плоские караваи стотти, лепешки, открытые песочные пироги и пирожные. Это был день выпечки. Я прибежала из школы и уже на пороге чувствовала запах, доносившийся из кухни. На ферме всегда бегаешь голодная.

Зрелище было незабываемое, а если я приходила с подружками, мы все помогали матери печь воскресные угощения. Иногда нас заметало снегом на несколько недель, и нам приходилось держать в кладовой большие запасы. А кто у вас печет рождественский пирог? – Хозяйка раскладывала на дно горшков кружки бумаги.

– Мы покупаем маленький пирог, потому что папа не ест его. Бабушка говорит, что он уехал по делам и пока не может жить вместе с нами. – Тут Иви вспомнила, что ей не велено говорить про папу. – Я ем только глазировку, а мамочка любит марципан.

– Тогда я научу вас печь пирог, – кивнула хозяйка. – Едва ли вы брали у кого-нибудь уроки кулинарии.

Иви помотала головой.

– А я умею раскладывать начинку на корж пиццы, – сообщила она.

Они наполнили сладкой массой все горшки. Интересно, что делает мамочка, подумала Иви.

– Миссис Сноуден... – Девочка замолчала, не зная, продолжать или нет. – Кто та леди на лестнице?

– На картине-то? Это жена Джекоба, деда моего мужа... Уж она-то была настоящей мастерицей и гордилась своей кухней. У меня сохранилась ее книга рецептов. Показать? – Она вытерла пальцы о передник и вытащила из буфета старинную книгу в кожаном переплете. – Гляди, вот это имбирный паркин Агнесс Сноуден, я до сих пор готовлю его по этому рецепту... Недавно я приносила его вам. А вот ее рождественский пудинг – это тесто мы сейчас разливали в горшки. Говорят, она немного умела предсказывать судьбу; а еще она тиранила своих слуг как мегера.

Миссис Сноуден шмыгала носом. Бабушка Партридж никогда так не делала, когда разговаривала.

– Она выглядит такой нежной и хрупкой, но, по преданиям, она держала тут всех в ежовых рукавицах.

– Почему она живет на лестнице?

– Я не понимаю тебя... Нет, это просто портрет на стене. На какой лестнице, Иви? – спросила она с любопытством.

– Я видела добрую леди возле лестницы. У нее был большой белый воротник и длинная черная юбка. Она очень торопилась куда-то. – Иви увидела, как миссис Сноуден положила ложку на стол.

– Когда ты ее видела?

Иви махнула рукой на заднюю половину дома.

– Кажется, я видела, как сегодня утром она выглядывала из окна. Но когда мы пошли с мистером Ворчуном... вашим фермером... и он показывал нам дом, по-моему, она была там. В руке она держала пучок перьев. Потом я ее видела, когда шла к вам, и она прошла прямо сквозь стену. Но мне никто не хочет верить, – добавила Иви. – Она добрый призрак?

– Возможно, добрый, но я никогда ее не видела. Похоже, что ты видела госпожу Сноуден. Говорят, она никогда не покидала этот дом. Моя дочка тоже иногда ее видела... Как говорится, в старых домах призраков – что пыли. Должно быть, она любила это место, раз ходит по нему вот уже сотни лет со своей метелкой из гусиных перьев. У моей матери тоже была такая метелка, ею удобно выметать пыль из углов... В былые времена мы ничего не выкидывали... не то что теперь. Гусиные перья шли на подушки и перины.

Иви с облегчением услышала, что леди с метелкой видели и другие.

– Где ваша дочка? – спросила Иви, вылизывая миску.

– Ушла жить с Иисусом и ангелами, как твой папа. – Миссис Сноуден вздохнула, выглянула в окно и покачала головой. – Она была слишком хороша для этого мира.

– Мой папа уехал на работу, но он вернется к Рождеству. Я попросила Санту, он может делать чудеса. А вы когда-нибудь видели ангела? – спросила Иви.

– Нет, не видела. Я не верю в ангелов с крылышками. Но я верю, что они являются к нам в другом облике и помогают. – Миссис Сноуден опять покачала головой, и Иви заметила на ее подбородке пучок волос.

– В вашем лесу я видела белую леди с серебряными волосами. Она тоже ангел, как вы думаете? Она махала мне рукой, – добавила она, но пожилая хозяйка уже не слушала ее.

– Тебе пора отправляться в школу, девочка. Тебе понравится в Уинтергилле. Я уверена, что дети наряжаются ангелами для рождественских представлений. У тебя появится много друзей в деревне, настоящих, а не придуманных. Мне кажется, что твоя мама читает тебе слишком много всяких сказочных историй. И больше не уходи одна в лес. Еще не хватало, чтобы ты что-нибудь напортила Нику. Ведь у него тяжелая работа, а это тебе не парк развлечений. Детям тут не место, слышишь?

Иви недовольно нахмурилась. Ей даже думать не хотелось о школе.

– Если ты останешься здесь, я научу тебя делать печенье в виде ангелов с крылышками. Они должны получаться легкими как перышки, а ты можешь приготовить крем на масляной основе, – сказала миссис Сноуден и взглянула на часы. – Твоей маме пора выпить кофе. Ступай и спаси ее от болтовни моего сына, а я поставлю чайник. Скажи госпоже Сноуден, чтобы она пошла и напугала их.

* * *

Иви ушла, а Нора внезапно почувствовала, что у нее нет сил, и присела на табурет. Бедное дитя! Повзрослела до времени. Ангелы и призраки, надо же! Ох, как ей сохранить детство, когда ее мир полон таких фантазий. Ведь Иви, умудренная не по годам, городской ребенок. Правда, в ее фантазиях есть что-то симпатичное, но все равно это тревожит.

Как странно, что она с такой ясностью увидела старую Хепзибу, как это было с Ширли много лет назад. В сердце Норы заныла давняя боль. Наступают месяцы, когда она особенно остро тоскует по дочке. И ей не хочется видеть в доме другую девочку, тем более такого же возраста; она будет постоянно напоминать ей о Ширли.

Ник был хорошим сыном, да и вообще хорошим парнем во многих отношениях... Но не замена Ширли... Как ужасно признаться ей в этом самой себе. Он всегда был любимцем Тома и так и не смог занять в ее сердце место покойной дочки.

Конечно, эта девочка совсем другая; она рыжеволосая, как ее мать, с яркими глазами и острым личиком. Бойкая. Да, зря они сдали амбар женщине с ребенком. Этот амбар в конце двора хранит много тайн. Его перестроили и по-другому назвали, но все равно не изменишь то, что происходило там в прежние годы. И нечего к этому возвращаться, милая моя.

Все дорогие для нее люди давно ушли из жизни, а ей остались лишь воспоминания. Вот Ширли едет верхом на Бесс, на ней школьный габардиновый плащ, косички свисают из-под кепки-жокейки, на пухлых ножках черные резиновые сапожки. Теперь она навсегда застыла на черно-белых снимках. Никогда нельзя смириться со смертью ребенка, никогда. Никто не компенсирует такую утрату, никто, даже Ник. Его всегда отгораживали от горькой правды послевоенных лет; эта трагедия никогда не упоминалась в его присутствии. В те времена никто не говорил с детьми о таких вещах. Жили себе и жили, не устраивая спектакля из своего горя. Никакие горы цветов на могилке дочки не вернут ее матери. Поэтому она и перебралась в переднюю половину дома, подальше от воспоминаний, связанных с двором. Так легче. Еще она

радовалась, что никогда не отличалась особой набожностью, иначе ей пришлось бы до конца дней перебарывать в себе горечь разочарования.

Все же она по камешку выстроила стену между собой и сыном. Она уже боялась любить то, что снова можно потерять. Ведь жизнь полна опасностей. Самое страшное уже произошло и могло повториться. Ник был всегда на стороне Тома и против нее. Жить в одном доме двум супружеским парам всегда сложно, обстановка часто накалялась. Жена Ника чувствовала эту напряженность и соперничество, а сама она и пальцем не пошевелила, чтобы помочь девочке справляться с новой для нее жизнью. Неудивительно, что Мэнди сбежала через некоторое время. Она, мать, видела боль сына, но даже не пыталась его успокоить, хотя знала на собственной шкуре, как тяжело видеть крушение всех своих надежд и мечтаний. Вот бы наладить мостик между ней и сыном... Но уже поздно.

Интересно, могла ли Иви видеть Ширли – как она играет на Дальнем лугу, бросает мяч о стенку, гоняет цыплят? Было бы приятно сознавать, что дух дочери свободно гуляет на свежем воздухе, что он не запечатан в маленьком ящике на церковном дворе Уинтергилла.

Нора поникла, а ее сердце бешено стучало. Хватит киснуть! Она высморкалась и вытерла глаза. Когда думаешь, все кажется еще хуже, чем на самом деле.

Анона Нортон, 1653

Студень Хепзибы

Половина свиной головы, хорошо промытой
Вода и уксус, соль и перец
Нарубленный лук
Пучок трав: лавровый лист, шалфей, майоран, 12 горошин черного перца, 4 шт. гвоздики
По 1 ч.л. душистого перца, мускатного ореха, петрушки

Замочите свиную голову в уксусной воде на 1 час. Потом достаньте и положите еще на полчаса в подсоленную воду.

Положите голову в свежую холодную воду, накройте крышкой и доведите до кипения. Убавьте нагрев и снимите пену.

Еще раз смените воду, положите в кастрюлю все приправы и варите голову до мягкости. Достаньте голову из кастрюли, срежьте с нее все мясо и нарежьте его кубиками.

Процедите бульон, снова поставьте на огонь и уварите наполовину. При остывании бульон должен застыть в желе.

Добавьте в бульон мясо и приправы по вкусу. Разлейте по формам и охладите. Перед подачей к столу выложите студень на блюдо и украсьте гарниром.

Сладкая пшеничная каша на молоке

Смешайте молоко с водой в равных долях, вылейте в каменную чашу. Замочите на ночь неочищенные от шелухи зерна пшеницы нового урожая, раздавив их.

Наутро добавьте немного сахара и варите зерна в печи на медленном огне, пока каша не станет густая как желе.

Добавьте в кашу по вкусу корицу, мускатный орех или мед. Можно положить туда и сухофрукты.

Такая каша подается в канун Рождества очень горячей. Сверху ее поливают сливками.

* * *

– Где же эта противная соня? – пробормотала Хепзиба, увидев, как через двор пробежала с непокрытой головой служанка. Всюду ходили чужие, во дворе резали поросенка. Она направилась со своей метелкой из перьев в малый салон, ее гордость и радость.

– Почему эта девка исчезла как утренний туман, когда в доме столько дел? – Визг поросенка эхом доносился со двора, звучал в ушах. Хепзиба обмахивала пыль с сундука и резных столбиков кровати, с дубового стола и скамьи, с буфета, где лежали ее лучшие оловянные

тарелки. Лишь у Бланш было больше красивых вещей, чем у нее, но теперь они быстро исчезли из Банкуэлл-Хауса.

Поросенка приманили, закололи, и сейчас его кровь стекала в ведро. Скоро надо будет нагреть воду и ошпарить тушу, чтобы легче соскребалась щетина. Еще надо выскрести дочиста кладовку, чтобы там было все готово для засолки кусков еще до начала Рождественского поста. Еще нужно поставить голову вариться в котле на бульон и студень. Чтобы ничего не пропало, даже ножки; они долго не хранятся, их придется раздать помощникам.

У Хепзибы не было никакого желания праздновать; сегодня она проснулась от боли в животе и увидела, что у нее начались месячные. Значит, снова рухнули все надежды на ребеночка. Она все еще переживала из-за дерзких слов Бланш в адрес пастора и размышляла, не взять ли ей на Святки под свой присмотр кухню и ее дочку.

Она поскорее вернулась на кухню, чтобы поторопить слуг, рубивших мясо. У нее были большие планы на свое скромное жилище. Она уже устроила для себя салон с камином и поставит там прялку. Натаниэль держал породистых овец. Надо уговорить его, чтобы он сделал резную дубовую лестницу на второй этаж и оборудовал там несколько комнат. Еще пора поправить соломенную крышу на задней половине дома. Конечно, крепкие сланцевые плиты выглядят красивее, но Нат ворчит, что соломенная крыша спасла его отца и деда в суровые зимы и что с крышей можно подождать. Да и какой толк обустривать дом, если нет наследника?

Надо бы ей сходить в деревню к знахарке; та продает чай из ягод и листьев и молитвы Непорочной Деве. Она долго колебалась, ведь это паписты обычно молятся Деве Марии. *Почему я хожу пустая, а Бланш нет?* Хепзи задумалась. Может, если она будет подавать милостыню бедным, молиться три раза в день и соблюдать скромность в одежде, Господь смилуется над ней? Послушание и усердие, возможно, отверзут Его слух к ее мольбам.

В этом доме не будет Рождества, как бы ни сетовал Нат; может, она найдет и другие пути обеспечить себе Его милость... Ох, куда же запропастилась эта соня?

* * *

Двумя днями позже Хепзиба и ее служанка укутывали в чистую ткань котел со студнем. Их руки горели от селитры, которую они втирали в окорока, но теперь свинина была засолена и вывешена в кладовой. Хепзиба приготовила студень специально для пастора, тайком от Ната. Когда речь шла о проповедях, он был на стороне Бланш.

– Запомни мои слова, этот старый скряга явится к нам и будет тыкать нас в живот – проверять, ели мы или не ели рождественский пирог, – смеялся он. – Зачем ему наши жертвоприношения, если он и так раздулся от важности, как мочевого пузыря поросенка?

Хепзи не обращала внимания на слова мужа; она знала, что священник скромно жил в своем домике на церковном дворе. Ее долг поделиться с ним в знак уважения пищей, посланной им Богом.

Пастор Бентли не держал слуг и сам проводил Хепзибу в дом. На его сером, изможденном лице горели страстью и рвением глубоко запавшие глаза. Его жилище напоминало скорее монашескую келью, весьма запущенную. Постеленный на полу тростник загнил и нуждался в обновлении. В этом доме не хватало женских рук, чтобы привнести в него хоть какой-то уют, обмести паутину со стен, убрать с полки книги и поставить туда какой-нибудь кувшинчик. Из мебели в доме был лишь голый грязноватый стол, который срочно требовалось выскоблить дочиста, табурет и жесткая скамья, и больше ничего, разве что церковные книги в грубом ящике.

Хепзиба с нерешительной улыбкой протянула свой дар, но пастор испуганно отпрянул, когда заглянул под ткань.

– Я надеюсь, что это не какой-то рождественский подарок, госпожа Сноуден. Я не могу принимать такие вещи, – пробормотал он.

– Нет-нет. Просто теперь пришло время забоя свиней, и Рождество тут ни при чем, – торопливо ответила она. – Хозяйство у нас небольшое, и это просто излишек. Вы много раз говорили нам, что нужно делиться тем, что посылает Бог, с другими людьми. Мы с Натаниэлем почтем за честь предложить вам этот скромный дар для вашего удовольствия.

– Удовольствия? Нет уж, – заявил Бентли. – Жирная пища в брюхе порождает плотские потребности, и они не подчиняются высшему разуму. Пока я у вас Божий пастырь, у меня не должно быть никаких плотских утех. Удовольствие ведет к похоти и обжорству.

– Жалко, если мне придется нести студень домой. Я ведь не хотела вводить вас в искушение. Я хотела как лучше, но, кажется, ошиблась, – сказала она и хотела забрать узелок. Но пастор остановил ее руку.

– Не спешите, госпожа. Я не сомневаюсь, что Господь в Его мудрости сподобил вас на такой жест милосердия. Я вижу, что вы предлагаете ваш дар со всей искренностью духа, а этого нельзя сказать о некоторых ваших сородичах. – Пастор выхватил из ее рук узелок и посадил Хепзибу на скамью; служанка осталась стоять в тени. – В минувшее воскресенье я слышал, как ваша кузина Нортон отрицала слово Божие. Она является предо мной каждую неделю и держится заносчиво; приводит своего ребенка в идолопоклоннических папских одеждах. Разве не так? – Его горящие глаза вонзились в нее.

– Сэр, у моей сестры во Христе в последнее время было много бедствий. Она вдова и пока еще не привыкла к новым, стесненным обстоятельствам. Она не умеет молчать и держать при себе свои взгляды, – ответила она с неожиданной для себя искренностью.

– Взгляды? Надо же! Какие взгляды могут быть у вдовы? – закричал Бентли. – Священное Писание запрещает женщинам говорить во время богослужения. Как она смеет сомневаться в Священном Писании? Она празднует Рождество или нет? Я вас спрашиваю!

Ее лицо вспыхнуло от жара, хотя в доме было прохладно. Все высказывания Бланш были услышаны; у церковных стен были уши. Многие прихожане с радостью ждали наказания для еще одной представительницы семьи Нортон.

– Понимаете, в былые времена Нортонны жили богато, часто принимали гостей, но все это прекратилось, когда Англия была объявлена республикой, – пролепетала Хепзиба. Это было все, что она могла придумать в защиту Бланш.

– Мне приятно это слышать, но как мне поступить? Она и дальше намерена бросать мне вызов и устраивать в своей часовне католическую мессу?

Пастор задавал ей такие прямые вопросы, а она слишком растерялась и не могла говорить неправду.

Как Господь ответит на ее мольбы, если она будет лгать Его служителю?

– Я не знаю, сэр; она редко бывает у нас, – уклонилась она от ответа. – Мы не суем нос в дела друг друга. Знаю только, что она посещает церковь, как и положено.

– Но я опасаясь, что в ней живет бунтарский дух. Боюсь за ее вечную душу. Разве она не из семьи роялистов? Небольшое наказание пойдет ей на пользу. – Он улыбнулся щербатым ртом; его дыхание напоминало прогорклое молоко.

Что он имел в виду, говоря о «небольшом наказании»? Он хочет проучить Бланш? Хепзиба задрожала от страха.

– Если хотите, я сама с ней поговорю... – предложила она.

– Нет, но вы должны рассказывать мне обо всем, что она говорит и делает. Господь придет без предупреждения среди ночи. Мы должны каждый день готовиться к Страшному Суду. У меня есть свои собственные планы на госпожу Нортон. Если какая-либо душа нуждается в смирении...

Его слова улетели куда-то мимо. Хепзиба поднялась со скамьи в полуобморочном состоянии, ее подташнивало от запаха дыма и невымытого тела, а также от мысли о том, что этот человек намерен преследовать ее кузину и впредь.

Я должна предупредить ее как можно скорее, чтобы она остерегалась его соглядатаев, подумала она. Ее испугал безумный голод, появившийся в глазах пастора. Она уже жалела, что принесла ему студень и что, сама того не желая, разожгла в нем ненависть к Бланш.

На следующее утро, проснувшись, они увидели, что все окрестности покрыты снежным ковром. Декабрьский снег долго не тает и запирает все дороги. Впрочем, Хепзиба увидела в этом добрый знак – непогода удержит пастора Бентли от поездки в Банкуэлл, расположенный ниже по течению. Ему будет трудно разнюхивать что-либо насчет кузины Бланш. Эта мысль принесла ей некоторое утешение.

Все-таки Бланш была ее близкой родственницей, да еще с маленьким ребенком. Хепзиба решила послать слугу к Бланш с предостережением, чтобы она не злила пастора и не провоцировала его на всякие идиотские действия. Еще лучше, если Бланш с дочкой приедут к ней на ферму, где им не будет ничего угрожать. Пастор не осмелится нагрянуть к ним без предупреждения, с пятнами свежего студня на куртке. На следующую ночь тоже шел густой снег, заваливший все дороги. Пока что до дома Бланш было не добраться.

* * *

Анона Нортон с восторгом смотрела в окно на свежий снег, покрывший пушистым ковром лужайки и дорожки вокруг Банкуэлл-Хауса. Ей хотелось бегать по снегу, оставляя глубокие следы, как олень, танцевать, лепить снежки... Но мама не выпускала ее из дома, из боязни, что она простудится и испортит свои башмаки. Почему они жили вдаль от всех, взаперти в этом холодном доме, где еле горел огонь в камине, когда на улице было столько забав?

Снег накрыл белым покрывалом развалины возле дома. Все выглядело таинственным, словно мебель в чехлах в большой гостиной, холодной и пустой круглый год, где Анона скакала на своей любимой деревянной лошадке, глядя на портрет бедного папочки, который жил теперь на небесах. Папочка умер, когда она еще не родилась.

Она знала про злого дядьку Кромвелля. Его войска грабили всех в округе и забрали из их амбаров всю хорошую еду. Сейчас на разрушенных стенах рос плющ, а денег на их починку не было. Она знала, что мама спрятала шкатулку с украшениями и теперь продавала их понемногу и платила штрафы, чтобы не ходить в церковь каждую неделю.

Банкуэлл-Хаус стоял на холме, его окружал большой парк, но теперь тут все заросло. Соседние холмы защищали его от северного ветра, но вот от нового пастора и его вездесущих соглядатаев защитить не могли. Вместе с приездом пастора ледяной ветер перемен проник в Банкуэлл-Хаус. Теперь им не позволялось молиться в их собственной маленькой часовне, и они делали это тайком. Еще мама сказала, что солдаты ободрали со стен часовни все убранство и превратили ее в конюшню. Анона даже немного радовалась за лошадей, что им было там хорошо, но они оставили там жуткую грязь. Когда солдаты ушли, в часовне снова навели порядок, насколько это было возможно; окна загородили досками, поскольку все витражи были разбиты. Некоторые из жителей деревни приходили на богослужения – никто не мог остановить старого патера Майкла; он являлся из-за реки, из своего укрытия, и служил мессу.

Девочке нравился старый батюшка, согбенный, будто дуга. Он никогда не приходил к ним без сладостей, леденцов или орехов в кармане.

Скоро Рождество. Мама обещала, что это будет особенный праздник. Они постелят на пол свежий тростник, украсят малую гостиную свечами и веточками остролиста и плюща, омелы из яблоневого сада и свежего розмарина с грядки кулинарных трав.

После минувшего воскресенья мама ругалась на всех; она уходила в свою спальню и там плакала. Но Нони знала – если она откинет драпировки, заберется к маме на кровать и обнимет ее, то мама вскоре успокоится и почувствует себя лучше.

Иногда ей хотелось, чтобы у нее был настоящий, живой папа, такой как дядя Нат – чтобы он был такой же веселый и много смеялся. Тетя Хепзи одевалась строго и некрасиво, но она была добрая и во всем отличалась от мамы.

– Ты почему такая грустная? Потому что мы не можем ходить на Христову мессу? – спросила она как-то раз, озадаченная злыми словами пастора. Вот если бы священником был патер Майкл! Но мама не велела никому рассказывать о том, что он приходит к ним.

– Немножко, детка. Но мы все равно отметим этот святой праздник, – сказала мама. – Это наш долг, что бы там ни каркала эта черная ворона. Мы угостим наших арендаторов, чтобы и к ним пришла радость. Так делал твой отец, и я продолжу его дело, хотя это становится труднее с каждым годом. Иначе получится, что он и его соратники погибли зря. – Мама вздохнула, а Нони ничего не поняла.

Анона радовалась приближению Рождества.

– Можно я помогу тебе делать фрументы, сладкую кашу из новой пшеницы? – спросила она.

– Не сейчас. Пока что не приставай, у Мег и без того много дел. Рождество – не праздник без блюда из лучшей пшеницы и овсяного бросте со сливками. – Мама перевернулась на кровати. – Потерпи. Сейчас я полежу и помолюсь, потому что не доверяю этой черной вороне из Уинтергилла. Его сердце ожесточилось против нашей веры.

Потом все дни на кухне шла запрещенная новой властью работа: Мег готовила сливовый плум-порридж, замочила пшеницу для фрументы. В чаше на полке ждали своего часа густые сливки. Нони велели вымести из гостиной старый тростник и протереть от пыли оловянную посуду. Столовое серебро давно уже исчезло из дома, но оставшуюся посуду начистили до блеска. Когда она закончит свою работу, ей позволят вылепить из теста разные фигурки. Мама достала свои лучшие платья с кружевами и оборками и отпустила подол дочкиной юбки – Анона быстро росла.

Затем, в канун Рождества, ей разрешили наконец-то выйти на улицу и вместе с дворовыми мальчишками собрать вечнозеленые веточки для украшения гостиной. Приносить их в дом заранее – плохая примета. Еще мальчишки притащили для костра мощное дерево, чтобы оно горело все двенадцать дней праздника. Его специально прятали до этого в молодой поросли.

Рождественское утро выдалось ясным. Нони сидела у окна и ждала гостей. Они придут вскоре после службы. Вон уже показался старый патер Майкл в башмаках, обшитых рогожкой и набитых шерстью. С каждым годом он сгибался все ниже и стал похож на маленького гнома. Нони надеялась, что он и на этот раз угостит ее чем-нибудь.

В маленькой часовне было темно и холодно; но вот зажгли свечи и достали из тайника потир для принятия причастия. Тогда Нони поняла, что Рождество вправду наступило. Священник извлек из кармана вырезанные из дерева фигурки и сделал из соломы колыбель. Дверь часовни была широко открыта в ожидании верных католиков из деревни: стариков, вдов, детей. Кутаясь от холода в старые плащи, они пришли со всех сторон по заснеженным полям.

– Почему в этом году так мало народу? – прошептала она. В часовне стояло не больше дюжины.

– Не переживай. Слуг, подмастерьев и школяров заставили быть на своих местах и работать, чтобы они не вздумали славить Христа, – ответила мама, и Нони стало грустно, что день рабочий, а не праздничный. Она вспомнила дядю Ната – вероятно, он сейчас занимался своими овцами, а тетя Хепзи стирала белье.

Служба подходила к концу, когда внезапно раздался громовой стук в дверь. В часовню ворвались оба констебля с двумя вооруженными мужчинами. Расталкивая собравшихся, они двинулись прямо к алтарю.

Нони отметила, что патер Майкл продолжал службу, словно не замечая вошедших, а у нее самой едва не остановилось сердце, когда она узнала в них обычных соседей. Мама глядела на констеблей, а дочка прижалась к ее руке.

На какой-то момент мужчины даже растерялись и не знали, что делать дальше. Томас Карр даже снял шляпу. Но Роберт Стикли занес палку над головой патера Майкла, словно собирался его ударить, и Нони очень испугалась.

– Ради Бога, дайте ему завершить причастие! – громко крикнула мама, сверкая глазами. – Как вы смеете прерывать богослужение? – Нони почувствовала, как ее толкнули вперед и заставили опуститься на колени, под благословение. Стикли пытался их остановить, но Томас Карр, к ее облегчению, позволил им продолжать службу.

Один за другим те немногие, кто остался в часовне, дрожа, вставали на колени перед патером Майклом. Другие уже бежали по полям, опасаясь штрафа. Как такое могло происходить в святой Христов день? За всем этим стоял лишь один человек, и даже ребенок мог догадаться, кто это.

Их вывели из часовни вместе с патером Майклом и проводили в дом, где пастор Бенгли уже сидел с торжествующим видом в маминой гостиной, в ее собственном нарядном кресле.

– Как вы посмели войти без разрешения в мой дом? – закричала мама, а Нони спряталась в складках ее плаща.

– Ваш гусь уже поджарился. Я чувствую запах жареной птицы и видел собственными глазами блюдо со сладкой кашей фрументи, что это, как не потворство вашему обжорству? Не сомневаюсь, что я найду и горшки с плум-порриджем, если поищу, а также и горячий эль с пряностями. Почему вы присутствовали на папской мессе? Почему вы считаете, что постановления закона вас не касаются? Всех касаются, а вас нет? – Ворон распростер свой широкий плащ, словно черные крылья, и казался Нони самым дьяволом.

– Я поступаю так, как мне велит моя совесть. Сегодня святой день Рождества Христова. Его нужно чтить. – Мама ответила тихим голосом; Нони почувствовала, что дрожит всем телом, и вдохнула холодный воздух.

– А я утверждаю, что вы заблуждаетесь, госпожа. Вы обрекаете себя на гибель. Ведь вы, конечно, молитесь за короля? За Карла Стюарта, чтобы он вернулся из-за моря?

– Мы молимся за всех христианских королей и правителей этого беспокойного времени. – Мама казалась такой злой.

– Ага, значит, за папистов и предателей тоже, – ответил пастор; его глаза сверкали будто искры от кремня.

– Разве мы все не едины под глазом Господа? – спорила мама, пытаясь сохранить твердость духа.

– Не богохульствуй, женщина! Кто дает тебе право иметь мнение по таким вопросам? Ты немедленно отправись отсюда с констеблями. Ты обвиняешься в преступлении и будешь держать ответ перед судом за свою дерзость. Я не позволю какой-то женщине одержать надо мной верх, какая бы она ни была знатная. – Он вытер лоб. – Я предупреждал твою сестру во Христе, чтобы она присматривала за тобой и не давала тебе распускать язык, но она не сочла нужным меня послушать. Я примерно накажу тебя в назидание этой пастве. – Пастор подозвал к себе своих спутников и указал на дверь.

– Но как же мой ребенок? Кто будет заботиться о ней, когда я уйду? – Мама крепко схватила Нони, и у девочки закололо в груди от страха.

– Она пойдет с тобой. Она присутствовала на службе. Дети должны с ранних лет нести расплату за непослушание. Священник тоже пойдет и объяснит свои изменнические дей-

ствия, – объявил пастор, наслаждаясь их растерянностью. – Ты позоришь свой сан, старик. – С этими словами он оттолкнул патера Майкла.

Старый священник дотронулся до маминой руки.

– Отпустите малышку к ее тетке, прошу вас ради всего святого. – Потом он обратился к констеблям. – Делайте то, что вам приказано, но помните, что есть люди, которые нам сочувствуют. Пошлите сообщение в Уинтергилл. Они позаботятся о нас.

Он прижал Нони к себе и шепнул ей на ухо.

– Оденься потеплее для дороги и возьми что-нибудь поесть; боюсь, скоро снова пойдет снег. – Потом он повернулся к пастору. – Отпусти ребенка, сжался над ним.

Пастор Бентли не собирался проявлять милосердие.

– Вы все пойдете пешком, как преступники. Суд решит, что делать с вами. Ты, священник, позоришь свой сан. Тебе не стыдно губить души своих прихожан? – Нони испугалась, когда ворон заорал на святого старца.

– Это ты позоришь наш сан своим бессердечием, – храбро ответил патер Майкл. – До здания суда идти долго, да еще в такую скверную погоду. Это тяжело для вдовы и маленького ребенка. Ради Господа нашего и Девы Марии, прояви милосердие. Мы все будем держать ответ на Страшном Суде.

– Молчи, патер. Это мой приход, и мне решать, как усмирять гордыню. Мать должна получить урок смирения, а ребенок поймет, что всякое празднование Рождества запрещено законом. Такой урок она не забудет никогда. – Он поджал тонкие губы. Нони выглянула из-за матери, не понимая слов этого человека, похожего на черного ворона. Ее голубые глаза наполнились слезами.

Ворон долго и сурово смотрел на нее, словно перебарывал свою внутреннюю слабость.

– Я проявлю милосердие к девчонке, но прежде она должна в наказание пройти пять миль.

Патер Майкл поднял руку, протестуя.

– Стыдись, пастор. Не заходи слишком далеко в своих безумствах... Я вижу твой ужасный конец, если ты будешь вести себя так и дальше.

Ворон рассмеялся ему в лицо.

– Я не слушаю твои дьявольские слова.

Мама одела себя и Нони потеплее, но вскоре снова началась метель. От непогоды не спасали даже теплые накидки.

* * *

Поначалу Анона весело шагала, думая, что это какая-то новая игра. Но когда порывы ветра начали швырять снег в лицо, ей стало холодно. Она заплакала и спряталась под плащ матери. Они укрылись от непогоды в амбаре рядом с таверной, где местные мужчины пили эль и веселились. С ними обращались как с преступниками, и Нони плакала, вспоминая свой теплый матрасик и пуховое одеяло.

– Сегодня нам придется спать на соломе. Завтра будет что-нибудь получше, – пообещала ей мама. – Я отдам стражнику наши кружевные воротники, чтобы он купил нам еды. Потом тебя отведут к тете Хепзи.

Патер Майкл выглядел усталым и больным, но он лег рядом с ними и почти не спал, ограждая их от грубых приставаний и насмешек.

Анона куталась в свою теплую накидку и недоумевала, почему черная ворона так рассердилась на них из-за жареного гуся. Полы накидки были мокрые из-за растаявшего снега; в амбаре воняло навозом и сеном. Мама пыталась пристыдить констеблей, которые вели их

из Банкуэлл-Хауса. Неужели им не стыдно? Сколько раз папа помогал их семьям? Мама была добра к старому Уиллу Карру и не выгоняла его из дома, хотя он уже не мог работать на нее.

Томас Карр поглядывал в их сторону.

Нони видела, как мама взялась за золотое кольцо с крошечными жемчужинами, единственное, оставшееся у нее. Она всегда носила его на левой руке. Потом мама жестом позвала к себе Карра и протянула ему кольцо.

– Мисс Анона не должна идти с нами завтра, – прошептала мама. – Ей всего восемь лет, она голодная и замерзла. Прошу тебя всем, что для тебя свято, Томас Карр. Отведи ее к моей кухне в Уинтергилл. Кольцо возьми себе за труды. Сделай все, чтобы ее отпустили, умоляю тебя. Сейчас это все, что у меня есть, но если ты выполнишь мою просьбу, потом я отблагодарю тебя.

Он подался вперед и кивнул. Нони видела, что он колеблется.

– Ведь это меньше четырех миль назад через пустошь до Сеттла, а потом по высокой дороге. Мисс Анона будет в безопасности у моей родни в Уинтергилле. – Мама уже умоляла констебля, глядя золотые локоны дочери, завившиеся кольцами в сыром воздухе.

– Мама, мне тут не нравится, – плакала Анона.

– Знаю, но ты вспомни первое Рождество, когда Пресвятая Дева Мария положила своего ребеночка в ясли, потому что не было им места в гостинице. Вот и мы тоже спим в хлеву, как святое семейство, а ты пахнешь как только что родившийся теленочек, а не нашим домом и свежей розмариновой водой. Патер Майкл позаботится о нас. – Мама заплакала.

Последние слова мамы не успокоили Нони, ведь патер был старенький и больной. Но она подумала о маленьком Иисусе, лежащем в яслях, и попыталась успокоиться. Они лежали близко от ночной жаровни, дававшей немного тепла для их замерзших рук и ног. Ночь впереди была долгая. Уставшая Нони пристроилась под боком у мамы, и ей вдруг стало хорошо и спокойно.

– Не теряй надежды, малышка моя. Когда тетя Хепзи услышит о том, что с нами сделал этот пастор, она поднимет шум. Да и суд будет снисходительным к нам, особенно если он сочувствует королю. Тут, в северных холмах, много таких людей. Нам ничего не сделают.

Анона смотрела, как похожий на гусиный пух снег падает на повозки и крыши, она слышала пиликанье скрипки на постоялом дворе. Как быстро снег покрыл их следы. Ей не верилось, что они попали в такую ужасную ситуацию. Конечно, весь этот кошмар ей только снится; она проснется утром и увидит столбики своей кровати и задернутые из-за сквозняков занавеси.

Томас разбудил их на рассвете.

– Госпожа Нортон, я нашел человека, который едет на север. Он сказал, что они могут подвезти вашу дочку, но только до таверны на перекрестке возле рынка. Оттуда она должна будет добраться до Уинтергилла сама. Это все, что я смог сделать, но не говорите никому об этом; а я скажу, что она убежала среди ночи. – Констебль опустил глаза и тихо добавил: – Госпожа, я думал что наш пастор просто решил вас попугать; а он вон что выдумал. Заставил нас всех идти в такую погоду невесть куда.

– Спасибо, Томас, я не забуду твоей доброты. Просыпайся, маленькая, просыпайся... – Мама будила свою дочку. – Теперь слушай маму... ты сейчас отправишься на повозке до Сеттла и пойдешь в дом к знахарке на Киркгейт. Расскажешь швее Гуди Престон обо всем, что с нами случилось. Попроси ее послать весточку в Уинтергилл. Поживешь у нее, пока госпожа Сноуден не пришлет за тобой. Жди меня там. Ты слышала, что я сказала? Сама ничего не предпринимай. Скажешь хозяйке, что я заплачу ей за все, когда вернусь.

– Мама, я не хочу уходить, – заплакала Нони, моментально проснувшись. – Не отсылай меня. Я хочу остаться с тобой, – умоляла она, уткнувшись лицом в плащ матери, но та резко оттолкнула ее.

– Я не понимаю, – сказала Нони, печально глядя на мать. – Зачем мне уходить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.